

ЯКОВ КАПУСТИН

ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ

Яков Капустин

Чудны дела твои, Господи

«Книга-Сэфер»

2017

Капустин Я.

Чудны дела твои, Господи / Я. Капустин — «Книга-Сэфер», 2017

ISBN 978-965-7288-34-1

Вторая книга Якова Капустина. "Чудны дела твои, Господи..." Книга новелл, рассказов. У Якова Капустина редкий дар рассказчика, зоркий взгляд мудрого много повидавшего и пережившего человека. Юмор, смех – в обстоятельствах, в которых впору выжить бы... Герои новой книги рассказов Якова Капустина – те, кого в прошлом веке принято было называть: «простые советские люди». То есть мы с вами. Ведь то, что с нами – с нашими родителями, с нашим народом, а мы, независимо от национальностей, все таки были «советским народом» – происходило, независимо от советской власти, а то и вопреки ей. Как мы оставались людьми Не простыми людьми – а просто Людьми.

ISBN 978-965-7288-34-1

© Капустин Я., 2017
© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Милосердие Божье	6
А теперь горбатый!	6
Встречное движение	9
Галстук товарища Сталина	11
Валькирия революции	13
Анатомия одного межнационального	15
В конце коридора	17
Гений обыкновенный	20
Логика мести	23
Мы живём, умереть не готовясь	27
Достоинство	30
Милосердие Божье	33
Джюльетта и Ромео	37
Евангелие от Аннушки	41
Евангелие от Романа	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Яков Капустин

Чудны дела твои, Господи...

Книга издается в авторской редакции
Верстка и оформление Нелли Васильническая

В оформлении использован фрагмент картины Виктора Попкова «Мне 40 лет», изображение взято из интернета.

Издательство Книга Сефер
<https://www.kniga-sefer.com/>
<https://www.facebook.com/KnigaSefer>
+ (972)50-242-3452
book@kniga-sefer.com
kniga@kniga-sefer.com

Милосердие Божье

А теперь горбатый!

Ещё лет десять после окончания войны мои родители иногда между собой говорили на идиш.

Обычно это происходило тогда, когда обсуждалась проблема, которую отец и мать хотели скрыть от нас с братом, потому что мы знали только русский и немного украинский.

Детское любопытство заставляло нас напрягаться, наострять уши и улавливать в разговоре русские слова, чтобы по ним сложить смысловую мозаику.

Иногда это удавалось. Но не в этот раз.

Мало того, что родители говорили на идише, так они ещё и шептались, что было абсолютно несвойственно для характера моей боевой и шумной мамы.

Заметили мы и непривычную активность в коридоре и во всём дворе.

Наконец, новость стала доступной и детскому любопытству, а потому взволновала и нас своей оглушающей несуразностью.

Оказалось, что Ира Ковалёва, учительница из финского домика в конце двора, выгнала своего мужа-красавца Сергея и привела в дом горбатого мужика.

Новость была непостижима и неподъёмна ни для ума детей, ни для привычного сознания взрослых. Её соседи за деревянной перегородкой, рассказывали что Ирка с новым мужем целыми ночами хихикают и шумят.

Весь двор недоумевал.

Ну что можно делать весёлого ночью с горбатым, да ещё и такого, чтобы мешать спать соседям?

Сама же Ирка Ковалёва расцвела, повеселела и гордо несла свою голову рядом с маленьким горбатым человечком, который неуклюже держал её под руку, когда они ежедневно вынуждены были проходить через любопытно-осуждающие взгляды многочисленных соседей по двору.

Мужчины делали вид, что их это не интересует и продолжали играть в домино, не отвлекаясь на ежедневное зрелище. Дети же, от природы категоричные и злые, всячески досаждали презираемой всеми паре и, как только могли, вредили Иркиному пятилетнему сыну от первого брака. Эта необъявленная война закончилась так же внезапно, как и началась.

Одноногий Ванька на костылях, как это уже не раз бывало, гнал за своей женой по двору с сапожным ножом в зубах, а его жена Анька истошно орала.

Мужики, оставив домино, повернулись в их сторону, но вмешиваться никто не торопился, опасаясь пострадать за чужое пьяное дело.

Увидев идущую по двору Ирку с горбатым мужем, Анька инстинктивно спряталась за них.

Подскочивший Ванька замахнулся ножом и заорал:

– Отойди, убью!

И тут произошло невероятное. Горбатый закричал неожиданно громким голосом:

– Не смей!

От растерянности Ванька замешкался и тут же получил короткий и сильный удар кулаком в живот. От боли и неожиданности он выпустил костыли, скрючился и свалился, задыхаясь, на землю.

А горбатый спокойно повернулся к жене, и они продолжили свой путь.

Назавтра уже все знали, что горбатого зовут Яков Степанович Смоляков и что он преподаватель истории. Весь двор стал с ним здороваться издалека, называя по имени отчеству, а он всегда доброжелательно и как-то старомодно и неуклюже раскланивался.

Вскоре они уехали из нашего двора, и мои детские важные дела и события вытеснили из памяти и Якова Степановича и его жену.

Прошло лет восемь – десять.

За разные дурацкие и хулиганские подвиги меня исключили из техникума и, чтобы продолжить учёбу, мне понадобился аттестат зрелости. Я направился в ближайшую вечернюю школу, директором которой оказался мой бывший сосед по двору Яков Степанович Смоляков. Встретил он меня тепло и доброжелательно, но предупредил, что ни меня, ни моих друзей, в случае какой-нибудь бузы, не потерпит.

Он посмотрел мне в глаза, и я понял, что проверять его предупреждение не стоит. Я открыл дверь в одиннадцатый класс и увидел на задней парте красавицу, которая показалась мне знакомой. Не раздумывая я уселся рядом с ней и, по обыкновению, начал что-то молотить, рассчитывая на «продолжение банкета», тем более, что она проявила ко мне интерес, потому что, как оказалось, была наслышана обо мне.

В конце уроков я навязался её провожать, чему она откровенно обрадовалась.

Жила она не близко, и пока мы шли, наши отношения стали настолько тёплыми и доверительными, что я без всяких опасений полез к ней целоваться.

Люба (а так её звали) без всякого жеманства позволила поцеловать себя в губы и серьёзно сказала:

– Парень ты, конечно, ничего, но я люблю другого человека.

– Что, так сильно?

– Очень!

– Он что намного лучше меня?

Люба помолчала, посмотрела на меня внимательно и с какой-то обречённой убеждённо-стью сказала:

– Лучше.

– Чем?

– Он настоящий мужик.

– А я?

– Ты интересный балбес.

Она примирительно чмокнула меня в щёку и зашла в подъезд.

Я посмотрел вслед её волнующим ногам и расстроился ещё больше.

На следующий день она не отходила от меня на всех переменах, снова попросила меня проводить её, а когда узнала, что я иду в общежитие техникума к своей Ласточке, напросилась со мной, и мы втроём направились к её дому.

Так она превратилась в моего друга и часто свободное время проводила в нашей компании. Все знали, что клеить её бесполезно, поэтому никаких проблем не возникало.

Парня её я никогда не видел, поэтому предполагал, что он в армии.

Однажды, по дороге из школы, Люба была какой-то непривычно озабоченной и, вдруг совершенно не к месту, сказала, что у жены директора нашей школы рак.

– Стыдно так думать, но у меня теперь появилась надежда.

– На что? – я не понимал, о чём она говорит.

– Что Яков Степанович на мне женится.

Я остановился как вкопанный.

Оказывается, красавица Люба Лупова, по которой вздыхала половина моих знакомых ребят, была влюблена в этого несчастного горбуна. И, хотя я уважительно к нему относился, слова Любы не умещались в моей голове.

– И давно ты в него влюблена?

– С детства. Мы летом жили в одном дачном посёлке. Когда однажды загорелась соседская дача, собралось много народу, но спасти домик уже не было возможности. А во дворе под навесом была привязана собака. Огонь подобрался к ней, но отвязать её все боялись, потому, что уже горела крыша навеса, и можно было сгореть. А Яков Степанович один из всех мужиков побежал к собаке, и отстегнул ошейник. У него обгорели волосы и лицо, и он долго лежал дома. А мы дети ходили его проведывать. Постепенно я поняла, что люблю его, потому что лучше и интересней на Земле человека нету. И буду любить всегда.

– А он?

– Он делает вид, что ничего не замечает. А я и в школу хожу из-за него.

После этого разговора прошло, наверное, лет двадцать-двадцать пять.

С женой мы поехали в Дом быта забрать из ремонта телевизор моих родителей, у которых тогда гостили.

Кто-то похлопал меня по плечу. Оглянулся.

– Господи, Люба! Ты ещё красивее. Тебе время только на пользу.

Мы обнялись, как самые родные и близкие люди.

– Пойдёмте ко мне в кабинет. Я здесь директорствую.

Когда мы расположились, зазвонил телефон. Люба говорила с ребёнком.

– Внучка – сказала она, положив трубку.

Ты же помнишь Игоря, сына Якова Степановича и Иры? Это его дочь.

Я недоумённо смотрел на неё.

– А! Ты же ничего не знаешь. Я и забыла, где ты был. Ира умерла в 69-м, и Яков Степанович на мне женился. И мы прожили вместе уже почти двадцать лет. У нас и общая дочка есть Оля, сейчас она в институте в Одессе. А Яков Степанович сейчас в командировке в Спитаке, после землетрясения. Он последнее время в обкоме партии работал, в административном отделе. Вот и напросился. А там так опасно. Но ты же его знаешь, он не меняется. Всегда во все дырки лезет.

Лицо её светилось гордостью и счастьем.

Когда мы, попрощавшись с Любой, спускались по лестнице, я сжал жене руку и сказал:

– Вот что делает с людьми настоящая любовь.

Я и сам был рад и счастлив.

И за Любу и за Якова Степановича.

Встречное движение

Всё было бы проще, если бы она его не любила.

Но Ларочка любила Михаила без памяти, а потому внезапная её беременность путала все карты их отношений, которые и без этого были непростыми и нелёгкими.

Ко времени их знакомства Михаил уже десять лет был женат и имел двух дочек, по которым ходил с ума.

Поэтому надежд на его развод не было никаких, и Ларочка готова была делить Михаила с его женой, лишь бы он всегда был с ней.

Правда, Михаил всегда настаивал на том, чтобы эти отношения были лёгкими и свободными, и не осложнялись непредвиденными ситуациями.

В своих требованиях он был категоричен, и Ларочка старалась ничем не омрачать его жизнь, что давало возможность удерживать Михаила уже почти три года.

И хотя она нисколько не сомневалась в его искренности, когда он говорил о любви, иллюзий насчёт брака с Михаилом Ларочка никогда не питала.

Узнав о беременности, Михаил крайне огорчился и растерялся. Ничего толком не сказав, он исчез из Ларочкиной жизни.

Ларочка была в панике.

Конечно, ей очень хотелось ребёнка от Михаила, да и её тридцатилетний возраст уже начинал ставить определённые условия. Но обрести счастье материнства и потерять Михаила, было выше её сил.

Без Михаила теряло смысл не только материнство, теряла смысл сама жизнь.

Ларочка без конца звонила Михаилу, но телефон был отключен, и она просто не знала, что ей предпринять, чтобы вернуть любимого.

А Михаил в это время терзался сомнениями и муками. Он уехал к другу на дачу, отключил телефон и, в отсутствие жены и любимой им женщины, решил крепко подумать и принять судьбоносное решение.

С одной стороны были две дочери, которых он не мог оставить.

А с другой был его ребёнок и любимая женщина, без которой радоваться жизни он тоже не сможет. Он почти не спал эту неделю. Не помогал ни алкоголь, ни снотворное.

На седьмой день своего отшельничества Михаил проснулся неожиданно для себя поздно и хорошо выспавшимся.

Он ощутил какой-то незнакомый подъём в настроении и ясность в голове.

Михаил понял, что во сне к нему пришло правильное решение.

Он уйдёт к Ларочке, а о детях будет заботиться и сделает всё возможное, чтобы его девочки полюбили Ларочку и их будущего ребёнка.

С женой он объяснится, и она всё поймёт.

Он всё ей оставит, а с Ларочкой они построят новую жизнь.

И твёрдым шагом Михаил отправился домой для объяснения с женой.

Однако разговора не получилось.

После первых же его слов жена забилась в истерике и стала выбрасывать с балкона его вещи, а прибежавшая на крик тёща плюнула ему в лицо и облила грязной водой из кухонной миски.

– Вон отсюда! И о детях забудь, скотина! – кричала жена.

– Только появись на пороге, я тебя засажу, ворюга! – не унималась тёща.

Михаил пытался что-то объяснить, но от этого и жена и тёща кричали ещё сильнее.

Увидев, что внизу уже кто-то пытается утащить его валяющиеся вещи, Михаил побежал вниз и стал собирать их в принесённые сумки.

– Ну, вот они и показали своё лицо. Вот так живёшь с людьми и не представляешь, какие это дикари. А я ведь хотел по-хорошему, по интеллигентному, чтобы навсегда остаться родными людьми. Жена просто неспособна меня понять и пойти мне навстречу.

Только о себе и думает. Эгоистка! Ларочка, конечно, не такая. Она обязательно бы всё поняла и пошла бы навстречу. Ну и Бог с ними. Ребёнок у меня будет, любимая женщина есть, а с дочками всё равно когда-нибудь помирюсь. Они так меня любят.

Он позвонил Ларочке и отправился к ней, чтобы обрадовать её радостным известием, что он ради неё готов на всё, и готов всегда пойти её навстречу.

Ларочку он увидел, едва свернув на её улицу.

Они бросились навстречу друг другу и, обнявшись, заговорили, перебивая друг друга:

– Родная! Ради нашего ребёнка, я ушёл к тебе навсегда!

– Милый! Ради твоего спокойствия, я сделала аборт!

Галстук товарища Сталина

«Дорогой и любимый товарищ Сталин.

Пишет Вам Женя Косулина ученица 6-Б класса, школы номер 37 города Николаева, потому что очень нуждается в Вашей помощи, дорогой товарищ Сталин.

Дело в том, что меня до сих пор не принимают в ряды Всесоюзной Пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина, потому что мой папа во время Великой отечественной войны работал полицаем.

После победы над фашизмом его арестовали и он работает где-то в лесу. Но я тогда была совсем маленькой и ничего не помню.

Учительница математики Ольга Соломоновна говорит, что Вы товарищ Сталин сказали о том, что дети за родителей не отвечают.

Но директор Сергей Иванович сказал, что пока он директор в пионерах мне не бывать, и в таких делах никто ему не указ.

А мама говорит, что и в комсомол меня тоже не примут и тогда жизни у меня не будет. А я хочу выучиться на лётчицу, как Герой Советского Союза Раскова Марина Михайловна, чтобы защищать нашу Советскую родину и Вас дорогой товарищ Сталин.

И ещё мама говорит, что у всех в нашей стране один отец – это Вы, дорогой и любимый товарищ Сталин. А это значит, что я Ваша дочь, а не моего папы-предателя. А ещё меня два раза избили мальчишки на улице Чкалова, потому что я полицейша. А взрослые стояли и ничего не говорили.

А ещё они сказали, что вообще меня прибьют, если я буду ходить по ихней улице.

А защитить меня некому, потому что брат Алик ушёл в армию, а мама всегда на работе в литейном цехе. А со мной никто не дружит, потому что я не пионерка и полицейша.

А какая я полицейша, если дорожке товарища Сталина для меня на свете никого нет.

И мне очень тяжело и плохо. А дружит со мной только наш пёс Тарзан, но он ничего не понимает.

Кроме Вас, дорогой товарищ Сталин больше некому меня защитить.

Если вы мне не поможете, дорогой товарищ Сталин, я повешусь на чердаке с вашим портретом на груди.

И все тогда поймут, что я люблю Родину и Вас дорогой товарищ Сталин так, что готова отдать жизнь. И они все ещё пожалеют, что потеряли такую настоящую патриотку. Но будет поздно.

А ещё, арестуйте директора Сергея Ивановича Сомова за то, что он не выполняет Ваших указаний.

Будьте здоровы дорогой товарищ Сталин на радость всему советскому народу.

Ваша настоящая дочь Женя Косулина из 6-Б.

26 ноября.1949 года»

Женя очень боялась, что мама не разрешит ей беспокоить товарища Сталина, а потому побежала на угол, чтобы бросить письмо в ящик до маминого возвращения.

Она последний раз перечитала адрес: город Москва. Дорогому товарищу Сталину.

И опустила в щель письмо.

Сначала Женя ждала ответа, но проходили дни и недели, а ответа не было.

– Наверное ему ещё не передали письмо – я же не одна такая, кто ему пишет.

Потом Женя перестала ждать и только иногда вспоминала об этом.

Поэтому она очень удивилась, когда её прямо с урока повели в кабинет директора.

Там сидело несколько учителей и два военных человека.

Один из них тот, что был постарше, обратился к Жене:

– Вот Женя, товарищ Сталин прочитал твоё письмо и дал указание принять тебя в пионеры. Мало того, он сам прислал тебе пионерский галстук, который ты должна носить с честью и гордостью, потому что в нашем городе ни у кого такого галстука нет. И ещё товарищ Сталин распорядился проследить, чтобы ты хорошо училась и поступила учиться на лётчицу, чтобы защищать нашу Родину.

Он передал галстук пионервожатой, и та повязала его Жене.

Все учителя пожали Жене руку, как взрослой, а директор сказал, что завтра выпустят стенгазету и сделают объявление по всем классам.

Галстук был шёлковый. Такой в классе носила только одна девочка.

Все ученицы подходили и спрашивали у Жени разрешения дотронуться до галстука товарища Сталина. Женя всем разрешала. Она была счастлива и всех любила.

После уроков Женя шла по улице, и ей казалось, что все уже знают про её галстук от товарища Сталина.

И все смотрят на неё и радуются вместе с ней.

На стене поликлиники висел большой плакат, на котором товарищ Сталин обнимал маленькую девочку. Женя впервые обратила внимание на счастливое лицо девочки.

– Как у меня – подумала Женя – Какое же это счастье жить в стране, где о каждом простом советском человеке заботится самый добрый и отзывчивый человек на земле – товарищ Сталин.

Женя подошла поближе к плакату, стала по стойке «смирно» и отдала салют.

Валькирия революции

Ирина Семёновны Радецкая была огорчена и расстроена всерьёз.

Пересматривая свои альбомы с фотографиями, она обнаружила, что один из них пропал. Причём пропал, именно тот, в котором были особенно дорогие ей фотографии и, которые имели большую революционно-историческую ценность.

Она собиралась завещать этот альбом музею Революции.

И вот он был кем-то бессовестно украден.

Ирина Семёновна немногих удостаивала чести посмотреть на снимки, где она стояла рядом с самыми выдающимися деятелями революции и государства.

Причём некоторые из них были неофициальными, что говорило о близости её к этим людям, а так же о её близости к руководству революцией и страной. Конечно, только завистники могли нанести ей такой тяжёлый удар.

Все эти легкомысленные революционные дамочки, искавшие в революции выгоду и удовольствия. Таких в пансионате для старых большевиков, где доживала свой век Ирина Семёновна, было большинство.

Для неё же революция была и смыслом и целью жизни.

... Фира Соломоновна Бронштейн (в замужестве Радецкая Ирина Семёновна) была ровесницей века.

Февральскую революцию она встретила с восторгом и из множества появившихся партий и движений примкнула к большевикам, как наиболее радикальным и близким её духу и характеру. Она была образована, хорошо умела печатать на машинке и работала, сколько хватало сил, на благо революции.

Ещё в гимназии она познакомилась с теорией Зигмунда Фрейда о значении секса для человеческой деятельности, а потому не отказывала в близости своим сотрудникам, если считала таковых достойными революционерами.

Это она рассказала этой дешёвке Сашке Коллонтай о своём взгляде на сексуальные отношения между революционерами, а та бессовестно выдала её идеи за свои, придумав от себя легкомысленный принцип «стакана воды».

Однако Ирина Семёновна не относилась к сексу так поверхностно, как Александра Коллонтай, а уж о том, чтобы до победы революции завести себе любовника или мужа не могло быть и речи.

Даже получать удовольствие от секса Ирина Семёновна себе не позволяла. И если очередной партнер доводил её организм до высшей точки удовольствия, она долго корила себя за это и больше с этим партнером не встречалась.

Мало было в высшем партийном аппарате мужчин во времена революции и Гражданской войны, которые не пользовались её помощью для поднятия тонуса и работоспособности.

Но никому и в голову не приходило считать её доступной и дешёвой женщиной, потому что никаких себе привилегий и подарков она не принимала, и продолжала, после близости, держаться официально и независимо.

А если у ответственного работника была жена или любовница, то мечтать о контакте с Ириной Семёновной ему бы и в голову не пришло.

Все знали, что для неё это революционный долг и не более. Не зря же сам Сталин назвал её как-то Валькирией революции.

И она была уверена в 30-х годах, что это именно он защищает её от чисток и репрессий, хотя она всю жизнь до войны работала в партийном аппарате, которого репрессии коснулись в первую очередь.

Она верила, что и сам Сталин свои поступки и решения определял только революционной целесообразностью. Уж она-то хорошо знала, что Сталин никого и никогда не наказывал из-за личных антипатий. Как и она сама, Сталин жил только интересами революции, и за это она его уважала и прощала ему любые ошибки.

К репрессиям Ирина Семёновна относилась спокойно.

Она представляла страну в виде мчащегося перегруженного автомобиля. И, если останавливаться за каждым упавшим из кузова кирпичом, никуда не доедешь. А, если автомобиль застрял в грязи, то часть кирпичей можно и сбросить, как бы жалко их ни было. А иначе не нужно было и браться за революцию. Могли бы жить, как и прежде, если страшно испачкать руки.

В конце двадцатых она вышла замуж за красного командира Радецкого.

И хотя не очень его любила, была заботливой и верной женой, а иначе она семейную жизнь и не представляла. Она поменяла фамилию, имя и отчество, потому что еврейские фамилии начинали выходить из моды.

То, что она не могла иметь детей, её не смущало. Сказалось революционное прошлое с болезнями, абортными и прочими сопутствующими революции неприятностями. Но на своё бесплодие она смотрела, как на боевую инвалидность. Муж её понимал, и жили они хорошо и дружно.

Но, когда мужа арестовали в 36-м, просить за него она не пошла, хотя и была уверена в его невиновности. Его арест и гибель она считала необходимыми издержками революции. Она и за себя бы не просила.

Больше замуж она не выходила из принципа, доказывая и себе и окружающим, что виновность мужа она не верит и останется ему верна навсегда. И с мужчинами она больше не общалась. До самой войны. А потом, служа в политотделе действующей армии, снова стала оказывать услуги командирам, благо в свои сорок лет она смотрелась много эффективнее многих тридцатилетних.

Но после войны в её жизни была только работа.

До самой пенсии Ирина Семёновна проработала директором детского дома. Она дневала и ночевала на работе и заботилась о детях даже после их ухода во взрослую жизнь. Это была её семья, и дети платили ей взаимной любовью и вниманием. И даже теперь почти никто её не забывал. И она была счастлива.

А тут вдруг такая неприятность.

У неё украли её славное революционное прошлое.

Ирина Семёновна позвонила своему выпускнику Саше Скворцову, который работал в органах, и пожаловалась на свою беду. Уже давно у неё так не болело сердце. Боль отдавала в руку и под лопатку. Вечером пришёл Саша Скворцов с товарищем по службе.

В руках у Саши был её альбом.

– Вот, Ирина Семёновна, мы его нашли – и он положил альбом Ирине Семёновне на живот.

– Спасибо тебе, родной. Проследи, чтобы, когда я уйду, он попал в музей Революции.

– Обязательно всё исполню, Ирина Семёновна. Только рано вы собрались умирать.

– Нет, Саша, Я всё, что могла для революции, уже сделала. Наверное, пора уходить.

Ирина Семёновна Радецкая-Бронштейн член КПСС с 1917 года умерла той же ночью в 4 часа утра.

Хоронили её бывшие воспитанники детского дома и несколько старых большевиков.

Анатомия одного межнационального Конфликта

Моему другу Татьяне Никульниковой

Мадам Орлович из девятой квартиры люто враждовала с Клавкой Коробчихой из семнадцатой, которая находилась в другом конце длинного коридора рабочего общежития.

Вражда эта длилась многие годы, была изнурительной для обеих сторон и, несмотря на обоюдные чувствительные потери, к чьей-либо победе или мирному соглашению не привела.

Началась она ещё при Сталине, спокойно пережила Берию, Маленкова и Хрущева, и продолжилась в брежневские времена то немного затухая, то разгораясь с новой силой.

Всё произошло, казалось бы, из-за совершенного пустяка, который можно было бы решить простым спокойным разговором. Но мы, наверное, никогда не доживем до времени, когда люди научатся слышать друг друга и иметь желание разговаривать спокойно. Наши герои такого желания не имели.

А произошло вот что...

В палисаднике напротив окна мадам Орлович росла большая акация. На одном из её сучков висел кусок старой бельевой верёвки.

Каждое утро, едва открыв глаза, мадам Орлович подходила к окну, дышала на образовавшийся за ночь ледок на стекле и, продышав глазок, смотрела на раскачиваемый ветром обрывок верёвки.

Произведя в уме известные только ей математические расчёты и логические построения, мадам Орлович обращалась к мужу тоном командира во время атаки:

– Моня! Ветер северный с порывами, одевай две пары тёплых кальсон и заткни уши ватой! Я не могу тут целый день за тебя переживать и пить стаканами валерьянку. У меня на это никаких денег не хватит.

После этих слов, которые показывали мужу, на ком держится семейное благополучие, мадам Орлович получала свежий заряд энергии и позитивного настроения до конца дня.

Она, конечно же, всегда ожидала от мужа возражений, но Моня покорно надевал вторую пару тёплых кальсон, затыкал оба уха ватой, потому что спорить с женой боялся со времени их знакомства

Его молчание несколько удручало мадам Орлович, потому что возможность победы в споре с мужем могла бы дать дополнительный заряд энергии. Но было так, как было, и обе стороны привыкли уже к такому давно устоявшемуся порядку вещей.

И вот Клавка Коробчиха, никого ни о чём не спросив, вероломно вторглась в чужую семью и, срезав, казавшийся ей ненужным обрывок, привязала на его месте свою верёвку для белья.

О том, что она разрушает сложившийся миропорядок крепкой советской семьи, и лишает мадам Орлович и её мужа привычного образа жизни и покоя, ей и в голову не приходило. А мадам Орлович была в смятении и панике.

Она сочла этот наглый поступок вызывающей антисемитской выходкой, и оставить этого просто так не могла. Жизнь теряла смысл и привычные ориентиры.

Мадам Орлович высказала через весь коридор Клавке – этой кацапской жлобихе и антисемитке всё, что она о ней думала.

Клавка тоже в ответе обратила внимание на национальные особенности склочного и сволочного характера мадам Орлович, которая из-за сучка на дереве готова удавиться и удавить своего недоделанного Моню.

Естественно, что конструктивизма в течение конфликта этот обмен мнениями не добавил. На помощь обеим сторонам немедленно пришли возмущенные и возбуждённые добровольные помощники и советчики.

Образовалось два враждующих лагеря, и конфликт зажил уже своей жизнью, мало зависимой от главных его участников.

Шли годы, менялись правительства и осваивался космос, но этот конфликт не ослабевал, как и продолжавшаяся все эти годы Холодная война.

Но, как это обычно бывает в конфликтах, обе стороны получили сокрушающий удар с совершенно неожиданной стороны.

Ирка Коробкина, Клавкина дочь и сын мадам Орлович Боря полюбили друг друга всерьёз и надолго.

Клавка, поразмыслив, сделала робкую попытку примирения и послала через соседского мальчика для мадам Орлович два круга домашней колбасы и кусок сальтисона от зарезанного её мужем кабанчика.

Но в это время у мадам Орлович сидела её боевая подруга языкатая соседка Зинка.

От подарков пришлось отказаться да ещё так, чтобы слышал весь коридор:

– Пускай эта кацапская дура безмозглая подавится своим вонючим сальтисоном!

На такое вероломство Клавка обиделась до самой глубины своей широкой русской души. И, когда её муж Ваня заболел крупозным воспалением лёгких, она демонстративно отказалась впустить в дом мадам Орлович, которая одна во всём дворе умела ставить банки:

– Нехай лучше мой Ванька сдохнет к чёртовой матери, чем я позволю этой пархатой жидовке дотронуться до него своими грязными лапами!

И тогда Ирка и Боря заявили матерям, что, если они немедленно не помирятся, то дети сбегут на целину А, если и это не поможет, то оба отравятся уксусом.

Дети были так серьёзны и взволнованы, что женщины не на шутку перетрусили и приняли обоюдное решение немедленно помириться.

После Ванькиного выздоровления в середине коридора установили столы и праздновали всем коллективом, потому что все уже устали конфликтовать из-за какой-то верёвки.

Вот так и закончился этот конфликт, который возник почти с началом Холодной войны, но закончился на два десятилетия раньше, благодаря уму и мудрости двоих детей.

Боря с Иркой закончили кораблестроительный институт, поженились, родили двоих детей и уехали в середине семидесятых в Канаду.

Их родители подружились навсегда и жили практически одной семьёй в новом доме, построенном на месте общежития.

В начале девяностых Клавка Коробчиха умерла.

Мадам Орлович рыдала в голос, потому что, по её словам, умер самый дорогой в её жизни человек.

Сама она тоже вскоре умерла.

Боря с Иркой иногда приезжают из Канады на могилы родителей, которые похоронены рядом.

В конце коридора

Люба всегда считала себя очень счастливым человеком, потому что у неё была вера.

Она верила в Бога, в коммунизм и верила Афанасию. Во всё это она верила до самоотречения и без всяких оговорок.

В Бога она просто не могла не верить. Иначе откуда же всё. Коммунизм был для неё итогом развития человечества, потому, что по её понятию, человечество должно становиться всё лучше и богаче.

А Афанасий был самый добрый и честный человек на Земле. И полюбила она его сразу и навсегда.

После окончания института их, как супругов, послали работать в одну школу и выделили большую комнату в общежитии кораблестроительного завода.

Любу радовало, что её Афоня верил в коммунизм так же, как и она, и от этого их любовь и дружба были ещё крепче. Расходились они лишь в одном вопросе.

Люба считала, что сначала люди в Советском Союзе достигнут совершенства, а только потом уже наступит изобилие. А Афанасий верил, что изобилие наступит раньше, а от этого и люди будут всё более совершенствоваться.

Они много спорили по этому поводу, но это не омрачало их жизни, потому что оба они были молоды и счастливы.

Конечно, они видели и понимали, что не всё идёт честно и правильно, но что же поделать, если поставлена такая невиданная в истории цель, которая изменит навсегда к лучшему жизнь человечества. Приходилось мириться с временными трудностями и ошибками.

Порой Люба всё-таки соглашалась с мужем, что хорошая жизнь повлияет на людей положительно. Особенно, когда приходилось мыть пол в коридоре.

Коридор был очень длинным. С каждой стороны находилось по десять дверей от жилых комнат. У дверей стояли сундуки с картошкой, а на них постоянно гудели примуса.

Каждая хозяйка мыла в коридоре только участок, захватывающий пространство её комнаты. Так было всегда. А поскольку мыли все в разное время, то чистоту в коридоре навести было невозможно. По этому поводу женщины бесконечно спорили, враждовали и объединялись во враждующие кланы. Конечно, находились и другие поводы для ссор, но мытьё полов было основным.

С самого начала Люба решила, что будет всегда мыть весь коридор.

– Пусть смотрят, как нужно жить в коллективе. И как люди будут жить при коммунизме.

Со временем все поймут, как это хорошо и правильно.

Она не участвовала в спорах. С соседями была вежлива и доброжелательна, и спокойно переносила насмешки по поводу её стараний по наведению порядка.

Иногда ей просто вредили подвыпившие соседи, пройдя грязными сапогами по свежесмытому полу.

А то и «нечаянно» могли зацепить полное ведро. Но Люба даже не раздражалась по таким пустякам. Она знала, что при коммунизме такого не будет, и вносила свой маленький вклад в его построение.

Наоборот, они верили с Афоней, что как только все начнут мыть коридор полностью, так это и будет один из признаков приближения коммунизма. А начнут обязательно.

И хоть они часто шутили по этому поводу, верили они в светлое будущее безгранично.

Потому что иначе и быть не могло.

Многие соседки понимали, что Люба права, и говорили ей, что мыть пол нужно по очереди весь сразу, но переступить через свои многолетние кровные обиды и убирать возле дверей своих обидчиц они не могли.

А потом пришла война.

Афанасий ушёл добровольцем, а Любу на службу не взяли из-за хромоты, оставшейся после недавнего перелома голени.

Но она не могла смириться с тем, что не участвует в защите страны и, бросив школу, пошла на курсы электросварщиков, при кораблестроительном заводе.

После возвращения из эвакуации Люба вернулась на завод, потому что сидеть в школе после такой войны ей казалось немыслимым и неприличным.

А кроме того её угнетала сама мысль, что придётся постоянно слушать пустые женские разговоры в учительской.

Похоронка на Афанасия пришла ещё в сорок втором.

Люба снова жила в своей комнате и так же продолжала одна мыть целый коридор, несмотря на то, что половина соседей уже сменилась. И хотя ей уже не хотелось этого делать, сама мысль о том, что она этим предаст Афанасия и их веру в коммунизм, была невыносимой.

Но настроение у неё становилось всё печальней.

После двадцатого съезда Любе снова захотелось жить.

Она стала собирать у себя соседских детей и читать им часами сказки и рассказы русских писателей. Кроме того она постоянно кому-нибудь из соседей помогала деньгами, потому что зарабатывала намного больше многих мужчин.

Соседи её уважали и любили, и Люба этим очень дорожила.

На заводе она тоже была в большом уважении у начальства, потому что руководила лучшей бригадой сварщиков и была активным коммунистом и безотказным общественником.

Ей даже предлагали отдельную квартиру, но Люба не могла на это пойти, когда вокруг столько многодетных семей.

Как-то возвращаясь с работы, Люба увидела во дворе тележку с хлебом, и соседи сказали, что теперь хлеб и молоко будут продавать прямо во дворах, для удобства трудящихся.

– Вот, начинается – в этом Люба увидела приближающиеся признаки коммунизма.

Но через некоторое время вдруг стали происходить перебои со снабжением продуктами. Люба понимала, что это временные трудности. Не может это долго продолжаться в стране, которая запускает спутники.

Однажды её включили в состав рабочей делегации в Болгарию.

Народ жил там бедно, но перебоев с продуктами не было, и в магазинах свободно продавался хлеб, молоко и сыр. К русским отношение было тёплое, доброжелательное и открытое.

Прошёл год.

С продуктами положение становилось всё хуже, но Любе хватало и обеда на работе.

Она входила в нужды страны и Партии, тем более, что международная обстановка была тревожной.

Как-то в обеденный перерыв её вызвали в партком и женщина, представившаяся сотрудником КГБ, поздравила Любу с тем, что она включена в состав областной партийной делегации в ФРГ, как лучшая рабочая завода и орденосец.

Женщина долго объясняла, как себя вести в недружественной стране, что позволено говорить там, и что здесь, по возвращении. Она даже объяснила Любе, как нужно выглядеть и быть одетой. Советовала меньше обращать внимание на внешние, показушные стороны, особенно на магазины, которые недоступны для основной массы трудящихся. Под конец она посоветовала Любе взять с собой консервы и сухари, потому что продукты там очень дорогие и валюты, которую выдадут, на питание может не хватить.

Из-за военных заводов в город, где она жила, въезд иностранцев был запрещён, поэтому когда в гостинице города Киля, Люба впервые увидела в лифте негра, она попыталась сказать ему на своём плохом немецком, что в Советском Союзе идёт непрерывная борьба за права

негров во всём мире. Однако девушка-переводчица остановила Любу, сказав, что это промышленник из США и говорит он только по-английски.

Люба растерялась.

Около судовой верфи, куда их привезли на автобусе, вся площадь была заставлена легковыми машинами, на которых, по словам переводчицы, рабочие приезжают на работу, если не хотят ездить на заводском транспорте.

Как-то незаметно делегация разделилась и Люба, с директором школы и одним ветераном-инвалидом остались с девушкой-переводчицей, а партийное руководство с переводчиком-мужчиной куда-то исчезло.

С ними ушёл и представитель организации, проводившей инструкцию.

В цехах судовой верфи Любу, кроме современного оборудования, поразило доброжелательное и весёлое настроение рабочих. Она не думала, что к русским так тепло относятся в Германии.

От попутчиков Люба узнала, что на валюту нужно покупать вещи и решила закупить заводных игрушек для соседских детей.

Для этого переводчица повезла их в негритянский квартал, потому что там товары и продукты дешевле. Приехали в многоэтажный новый район, где жили африканские и турецкие эмигранты. Игрушки были невиданной красоты и конструкции.

Когда зашли в продуктовый большой магазин, Люба почувствовала себя нехорошо. Она не представляла, что колбас и сыров может быть так много сортов. Наверное, больше сотни.

А главное, удивляло то, что подходили простые африканцы и, без всякой очереди, всё это покупали.

Её спутники тоже были удивлены, но у Любы просто перехватило дыхание и зажало сердце. Стало трудно дышать.

Ей давали в гостинице какие-то лекарства, делали уколы.

Она плохо помнила, как летела на самолёте, как добиралась домой. Всё было, как в тумане.

Дома она слегла. Приходил врач, сестра делала уколы.

Но Любе ничего не помогало. Она не хотела бороться за жизнь. Она очень устала.

Соседи переживали за Любу и не оставляли её одну. Но лучше ей не становилось, и однажды ночью она умерла.

Хоронили Любу всем двором. Все женщины плакали навзрыд.

Многие годы потом матери рассказывали детям, какая удивительная женщина жила рядом с ними, и как они все любили её и любят до сих пор. И ещё о том, как она мечтала построить коммунизм.

Как-то незаметно, сначала по одной, а потом все женщины в коридоре стали мыть весь пол по очереди целиком. Сами собой почему-то прекратились ссоры. Может быть, в память о Любе.

А может быть стало немного легче жить.

А может быть просто по доброте русской души, которая умеет всё прощать.

Гений обыкновенный

Осенью 1988 года Ставропольский крайком КПСС распорядился снять с должности председателя Черкесского горисполкома Савельева Виктора Николаевича «За многочисленные нарушения законов о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности». Так было написано в решении бюро крайкома.

О том, как сессия городского совета впервые со дня основания СССР заслушалась партией, да ещё и устроила оскорбительный разнос присутствующим представителям крайкома, нужно писать в отдельном повествовании. В нашем рассказе мы постараемся объяснить причину такой жестокой немилости высокого партийного начальства.

А произошло вот что...

...Житель города Черкесска Иван Иванович Аксёнов был инвалидом детства первой группы. Человеком его можно было считать только наполовину, потому что нижняя часть его тела представляла собой два тоненьких скрюченных полуметровых отростка, которые назвать ногами можно было, только обладая большой фантазией и добрым сердцем.

В свои тридцать лет он полностью зависел от матери, потому что без её забот он был совершенно беспомощным.

Во всём остальном Иван Иванович был нормальным, довольно приятным и добрым человеком, достаточно образованным и просвещённым.

Он заочно закончил экономический факультет Краснодарского института, неплохо рисовал, что позволяло ему частными уроками сделать существование своей семьи относительно безбедным.

Понятное дело, что у его матери ходить на работу не было никакой возможности.

Наверное, так и жил бы этот несчастный уродец, которого на всей Земле и знало всего-то несколько человек, если бы Господь Бог иногда не посылал на Землю своих ангелов, которые и открываются только тем, кого Всевышний соизволил отметить.

Таким ангелом для Ивана Ивановича стал Михаил Сергеевич Горбачёв со своими нескладными реформами, непонятными преобразованиями и невнятными разговорами.

Но, после неожиданного выхода законов «Об индивидуальной трудовой деятельности» и «Закона о кооперации» на Ивана Ивановича вдруг снизошло божественное откровение, и однажды он сказал матери, что ему приснился вещий сон, который поможет им разбогатеть.

В те годы, когда ломались устоявшиеся нормы, правила и представления, в верхах очень был распространён вызывающий недоумение правовой постулат: «Разрешено всё, что не запрещено».

После стольких лет запретов и отсутствия свободы думать, привыкшие к послушанию чиновники боялись спорить с этим новым юридическим лозунгом, чтобы не прослыть ретроградами и врагами перестройки.

А Ивану Ивановичу во сне пришла в голову простая и гениальная мысль о том, что разбогатеть можно без изготовления джинсов и пирожков, чего он в принципе делать был не в состоянии. Он зарегистрировался, как предприниматель-инвалид с несколько необычным видом деятельности.

В регистрационных документах в графе вид деятельности было написано:

«Право на продажу всего, что не запрещено законами СССР, в том числе право на продажу самого Права, как такового, с правом наделения таким же Правом нового правопробретателя, который в свою очередь имеет такое же право наделять этим Правом любого покупателя, приобретающего у продавца это Право законным путём, согласно приложения № 1.»

Дальше шли цифры и проценты, которые должны были отчисляться продавцам по всей бесконечной цепочке.

Поскольку чиновники из финотдела не имели опыта работы в системе рынка, то они направили эту бумагу прокурору области Лушникову Юрию Михайловичу, чтобы на законном основании запретить непонятные им вещи.

Но самый главный прокурор области ответил им в грубой форме, что разрешено всё, что не запрещено законом.

Тем более инвалидам, с которых государство даже не брало налогов.

Иван Иванович Аксёнов развил бурную, невиданную дотолем, деятельность по рекламе своего предприятия, чем сумел привлечь внимание наиболее энергичной и продвинутой прослойки населения, всегда мечтавшем о нормальной и сытой жизни.

Во всех краевых газетах были опубликованы объявления, где вкратце описывался метод зарабатывания честных денег всеми, у кого есть предпринимательская жилка, достаточное образование и кое-какие денежные накопления.

Кроме того был взят в долю местный популярный экстрасенс, который убеждал всех своих клиентов участвовать в данной прибыльной программе, последовав его личному примеру.

В те убогие времена, когда в магазинах не было даже сахара и туалетной бумаги, вполне естественно, что каждый мечтал о счастливой жизни, какую они видели в иностранных фильмах. А то, что наш народ самый способный и умный, дай только ему возможность развернуться, нам внушали с самого детства.

А потому и верили в свою исключительность все, начиная от заштатного профессора до последнего пьяницы и тунеядца.

К Аксёнову косяком пошли клиенты, которым он продавал «Право на продажу» того что они могут продать, включая и «САМО ПРАВО НА ПРОДАЖУ ПРАВА ТОМУ, КТО ТОЖЕ СУМЕЕТ ЭТО ПРАВО ПРОДАТЬ ДРУГОМУ ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ПЕРЕПРОДАЖИ».

В договоре оговаривался процент полагающийся продавцу от сделок совершённых очередными и последующими покупателями-продавцами.

От каждой сделки все участники цепочки получали прибыль, которая возрастала по мере приближения покупателя-продавца к вершине пирамиды.

Понятное дело, что никто и не собирался продавать какой-либо товар, кроме самого «ПРАВА НА ПРОДАЖУ», что в условиях бесконечного увеличения покупателей-продавцов являлось прекрасным и неиссякаемым товаром.

Естественно, что через пару месяцев первые участники этого предприятия уже раскатывали по городу на новеньких Жигулях, а слухи о самом лёгком способе разбогатеть снежным шаром покатались по стране.

Через полгода образовалась огромная пирамида, которая продолжала расти вверх и вширь, не нуждаясь ни в центральном аппарате, ни в центральной бухгалтерии, ни в дальнейшей рекламе.

Но поскольку в те времена ещё не было культуры взаиморасчётов по обязательствам, то по всей цепочке работало несколько бригад вышибал, что вскоре приучило нерадивых неплательщиков строго соблюдать финансовую и договорную дисциплину.

Как и в любом деле такого масштаба, к предприятию прилепилось множество консультантов-адвокатов, работников правоохранительных органов, и разного рода преступных элементов, что только распаляло аппетиты и фантазии адептов нового способа разбогатеть. Всё это, в конечном итоге, заставило пирамиду работать быстро, нервно и рентабельно, потому что от темпов её движения вперёд росли доходы всех легальных и нелегальных участников.

Через полгода Иван Иванович был уже очень богатым человеком, на содержании у которого числился Дом ребёнка, Общество инвалидов-афганцев, вечно нищая милиция и много других служб, до которых у государства никогда не доходили руки

В одночасье Иван Иванович Аксёнов из инвалида-уродца превратился в отца города, а потом и области, к которому тянулись все жаждущие разбогатеть или наладить работу своих служб. К чести Ивана Ивановича он не потерял своей скромности и застенчивости и почти никому не отказывал из тех, кто мог пробиться к нему на приём.

А потому и слава о нём шла добрая и позитивная.

Но, как говорил великий Ярослав Гашек:

«На фронте шли дела нормально, но в это дело вмешался Генеральный штаб».

В нашем случае это была вездесущая партия в лице Первого секретаря Ставропольского крайкома Болдырева.

Но его команды и окрики область с возмущением отвергла, а жалобы в Москву результатов не дали, так как в столице дули ветры свободы и глубоких перемен.

Кроме того, всем нормальным людям было ясно, что предложенный Аксёновым метод обогащения намного понятней и честней, чем обычная государственная лотерея, различные казино и автоматы, где от покупателя ничего не зависит, стоит ему только расстаться со своими кровными деньгами.

Мало чем от государства отличались и возникшие через пять лет различные МММ и ХОПРЫ, где покупатель тоже полностью зависел от доброй воли и каприза создателей этих пирамид.

Аксёнов же вручал судьбу покупателя в его собственные руки. А там уже дело труда и предприимчивости.

Но сам Иван Иванович, зная историю страны и нравы наших чиновников, после всех скандалов, решил не играть с судьбой в прятки и переехал в начале 90-х на ПМЖ в Германию, где до сих пор владеет и руководит известной всей Европе клиникой по изготовлению современных протезов и слуховых аппаратов.

Услугами этой клиники воспользовались уже многие его бывшие земляки.

По странному стечению обстоятельств, или Божественному Провидению, его гонители вскоре бесславно закончили свои карьеры.

А защитники, по воле того же Провидения, сделали замечательные карьеры.

Председатель горисполкома Савельев возглавил на долгие годы Верховный совет Карачаево-Черкесии.

А прокурор области Пушников, став прокурором всего Ставропольского края, получил вторую генеральскую звезду.

Логика мести

Андрей Сергеевич Талеров был в панике. Он и раньше подозревал свою жену в измене, а сегодня точно убедился в этом, и эта уверенность повергла его в ужас.

Его жена Маша работала юристом в большой строительной компании, неплохо зарабатывала и кормила весь дом, включая мужа, дочку и тещу.

Сам Талеров писал уже много лет детективные романы, однако пристроить ничего не мог, а потому вынужден был сидеть у «жены на шее», как неоднократно, вслух, высказывалась теща.

Кроме всего этого Андрей Сергеевич любил свою жену так же сильно, как в первые годы супружества. Вдобавок, он просто не представлял, где он будет жить и, что он будет кушать. Оставалось только вернуть жену, но это было непросто, потому что любовником её оказался городской прокурор Ивашов Александр Иванович.

Талеров потихоньку всё разнюхал и выяснил, что Ивашов мужик крутой и может запросто пристроить года на три в лагерь.

Однако Талеров, вопреки мнению многих окружавших его людей, считал себя человеком умным и образованным, а потому решил подойти к вопросу с научной точки зрения, умноженной на его знание уголовного и милицейского мира.

Как-никак, а писал он не абы чего, а крутые романы и, если бы не мафиозная круговая порука в издательском деле, мир бы уже прогнулся перед его талантом и литературным стилем.

Для начала Талеров приобрёл кое-что из театрального реквизита, и, изменив внешний вид, начал тотальную слежку за женой, её любовником, женой любовника, друзьями, сотрудниками и всеми, кто мог бы представлять известный для дела интерес. Через два месяца он уже точно знал «где, кто, когда и с кем» и это повергло его в смятение.

Однако, махнув рукой на чужих жён и мужей, Талеров сосредоточился на своей жене, прокуроре и прокурорской жене, даме крутой и своенравной.

Уже наполнилась вторая папка с фотографиями, магнитофонными записями, отчётами, которые Талеров составлял ежедневно, как делали это его герои-детективы, но что со всем этим делать он пока не определился, ибо боялся промахнуться или подставиться.

Наконец, во сне ему пришло решение. Вернее, он с ним проснулся.

«Нужно создать им всем невыносимую жизнь, всё запутать, всех запугать, чтобы у них в голове не осталось и мысли об измене. Нужно заставить их думать только о спасении своей головы, и тогда все расплзутся по своим норам зализывать раны, и всё станет на свои места.»

Утром за завтраком Талеров был весел и бодр, каким жена его уже не видела последних года четыре. Из его уст, без его на то воли, вырывались слова известных военных и милицейских песен:

- Если кто-то, кое-где у нас, порой, честно жить не хочет.....
- Наступит время, сам поймёшь, наверное...
- Забота у нас простая, забота наша такая...

Эта песня была про Гражданскую войну, но Андрей Сергеевич постановил, что «на войне, как на войне», и оставил песню в своём репертуаре. Он решил не объявлять войну вероломному врагу, а молча начать наносить точечные и болезненные удары, чтобы расстроить сомкнутые в боевые порядки колонны противника.

Андрей Сергеевич теперь рассуждал и думал только военными категориями и терминами.

Однажды утром прокурор, открывая самостоятельно письмо с надписью личное, рассеяно прочитал:

- Или ты будешь работать на нас или всё станет известно. Она уже с нами. Жди смерти. До встречи, Харон.

Сначала до него дошло только то, что Харон – это перевозчик в царстве мёртвых, и только потом оглушил смысл всего остального.

Почерк был, конечно же, кагебешный. Только они умеют так бесцеремонно брать жертву за яйца. Он ни секунды не думал, что это может быть чья-то шутка. Кто способен так шутить, от того можно ожидать всего...

Что они знают?! Кто за этим стоит?! И кто такая «ОНА» – жена или любовница. Обе были по уши в «теме». А может кто-то из сотрудниц? Нет! Сотрудницы отпадают. Голова шла кругом. Подступила тошнота.

А двумя часами раньше жена прокурора Анна Сергеевна получила письмо, в котором было написано:

«Они решили тебя убить. Ты лишнее звено, но много знаешь. Жди конца, или борись. Наблюдай вокруг, киллер рядом.

Свою жену Талеров решил напугать сам.

Он заgrimировался под грязного бомжа и, толкнув её на улице, завопил женским голосом:

– Трупом пахнет, живой покойник ходит.

И жутко захохотал. Жена окаменела.

Бесспорно у него талант актёра. Зря он не пошёл после школы в театральный, как ему многие тогда советовали. Может быть, сейчас был бы ведущим актёром у Захарова или в Табакерке. Но ничего способности ещё пригодятся.

Но самое первое письмо Талеров направил в ФСБ, где сообщил, что ещё во время первой чеченской войны террористы угрозами и шантажом заставили прокурора Ивашова с ними сотрудничать, и, что через его квартиру проходят партии оружия и взрывчатки, что легко проверить, если установить слежку.

Свою анонимность Талеров объяснил страхом за свою жизнь.

На вокзале, заgrimировавшись бомжем, он поведал гастарбайтерам из южных республик, что по такому-то адресу, женщина ищет круглосуточную добросовестную няню для парализованной матери с проживанием, содержанием и зарплатой в 1000 долларов.

Когда жена прокурора Анна Сергеевна в очередной раз выглянула в окно, она увидела во дворе на лавочке двух незнакомых, хорошо одетых мужчин, которые украдкой наблюдали за её окнами.

Вот они киллеры. Значит, это был не розыгрыш. Её хотят убить. Кто? Наверное, Ивашов. Нашёл какую-то помоложе, кобель. Что же делать? В милицию! А вдруг и они... Ну, ничего не на ту напали. Просто так я не сдамся.

И в это время в дверь позвонили.

В глазок она увидела мужчину и женщину кавказской внешности, и у неё отнялись ноги.

– Что Вам нужно? – голос не слушался

– Я готова сутками работать – сказала женщина на очень плохом русском.

– Уходите! Я сейчас позвоню в милицию!

Гости исчезли.

Но через час опять пришли две женщины и всё повторилось.

Служба наружного наблюдения ФСБ передала начальству, что в интересующую их квартиру приходят кавказцы. Возможно, передают или забирают что-то. Выяснить пока не удалось. Было доложено наверх, и там проявили обоснованную тревогу и озабоченность. Приказали готовить спецоперацию, а по возможности провести рекогносцировку.

Жена прокурора вышла из дома и демонстративно направилась в центр города. Она шла днём, среди людей и полагала, что бояться ей пока нечего. Она шла к своему двоюродному брату, чтобы попросить травматический пистолет для самозащиты.

Получив от брата пистолет и инструкцию, Анна Сергеевна решила зайти в дом через соседний подъезд, который соединяла незадымляемая лестница с их площадкой, и подошла к своей квартире незамеченной. Так она надеялась лучше увидеть все манёвры и передвижения своих киллеров. Она тихонько вошла в квартиру и, вдруг, посреди зала увидела одного из убийц, который, улыбаясь, пошёл ей навстречу.

Не задумываясь, Анна Сергеевна выстрелила дважды бандиту в живот. Он схватился за рану руками и рухнул на пол.

Анна Сергеевна выглянула в окно, но второго убийцы не было.

– Значит, он услышал выстрелы и поднимается – решила она, и встала так, чтобы за открытой дверью её не было видно.

Дверь распахнулась, и второй бандит ворвался в пистолетом в руке, но Анна Сергеевна его опередила и выстрелила дважды в голову.

Бандит рухнул.

Анна Сергеевна свалилась рядом на пол почти без сознания.

Но в это время в дверь позвонили.

Она собрала последние силы и подошла к двери. Голова её плохо соображала. Не посмотрев в глазок, она резко распахнула дверь и выстрелила по одному разу в стоящую за дверью молодую кавказскую пару.

Соседка позвонила по прямому телефону прокурору и сказала, что у него дома стрельба и, наверное, грабят и убивают его жену. Она уже вызвала милицию.

Ивашов мчал на машине, как угорелый, и только на несколько минут опередил оперативные группы и милицию, которые в спешном порядке оцепляли район.

Дверь была открыта. На площадке лежали какие-то люди, но Ивашов сразу бросился к жене. Он поднял жену и усадил на стул.

– Я их всех убила.

– Кого?

– Киллеров.

И только тут Ивашов увидел тела в квартире.

Вспомнил он и тех, на площадке.

Голова шла кругом.

И в это время из громкоговорителей раздалось:

– Ивашов сдавайтесь! Вы окружены. Пустите врачей забрать убитых и раненых – это облегчит вашу участь.

Взяв под руки жену прокурор, ничего не понимая, спустился вниз, где был сразу же закован в наручники и отправлен на допрос.

К вечеру всё прояснилось. Начальство было в бешенстве.

Слава Богу, никто не погиб. Город кипел, как смоляной котёл.

Слухи ходили один невероятнее другого.

Появилась опасность несанкционированных выступлений, а потому майору ФСБ Шумейко Льву Яковлевичу было поручено вытащить органы из информационной ямы, куда они так бездарно провалились.

– Придумай что хочешь, но чтобы все успокоились. Сделаешь – будешь подполковником. Моё слово.

Генерал Скворцов слово держать умел.

О пресс-конференции было объявлено заранее, а потому к экранам телевизоров прильнул весь город.

– Товарищи, друзья – Лев Яковлевич светился оптимизмом и счастьем, – Разрешите от вашего имени поздравить наши силовые структуры, которые сообща провели самую серьёзную операцию в регионе по задержанию террористов за последние годы. Нам удалось заманить

бандитов в ловушку и накрыть вместе с оружием взрывчаткой и средствами связи. Уже задержано 54 человека и аресты продолжаются. Пройдут задержания также по линии Интерпола. Москва уже работает. Не обошлось, к сожалению, без потерь. Ранено два наших офицера и два террориста, которые упорно не хотели сложить оружие. Особую отвагу и мужество проявил прокурор города товарищ Ивашов и его мужественная жена Анна Сергеевна, которые волею обстоятельств оказались в центре событий. Решается вопрос о представлении особо отличившихся сотрудников к правительственным наградам.

Андрей Сергеевич Талеров сначала испугался такому повороту дела, но со временем успокоился, тем более, что жена его больше оснований для беспокойства не давала.

Одно из крупнейших издательств взялось за публикацию его романа «Логика мести» и даже выплатило крупный гонорар.

Всё шло прекрасно. Поэтому, когда, однажды, за ним пришли, Талеров не понял, чего от него хотят, когда у него так всё хорошо.

Мы живём, умереть не готовясь

К поэзии Леонид Михайлович Некрасов был почти равнодушен.

По молодости, как всякий начитанный студент он, конечно, мог наизусть рассказать пару модных стихотворений, запросто процитировать кусок из монолога Гамлета, но зачитываться ночами даже хорошими стихами и млеть от соприкосновения с прекрасным было не в его натуре.

Со временем вся эта белиберда стёрлась в его памяти, однако стихотворение раннего Евтушенко о муках совести, он помнил всегда. И ещё он помнил стихотворение молодого московского поэта о том, что «Совесьть – это наша связь с Всевышним». Его просто оглушила эта фраза, потому что сам он пришёл к такому же выводу, и это его пугало.

За последний десяток лет он, много передумав и перечувствовав, поверил в Бога. Понятное дело, не в дедушку на облаках, которого рисуют иконописцы, а в ту Сущность, которую он определял, как создателя вселенского разума и сопряжённых с этим разумом, производных, ещё не доступных человеческому пониманию, но, как говорят материалисты, «данных нам в ощущение».

Как образованный и свободомыслящий человек, Леонид Михайлович не уважал религию. Просто потому, что не любил функционеров ни в каком их виде. А вот Иисус ему нравился за простоту, душевность и готовность простить любого искренне кающегося. В божественное же происхождение Христа он не верил Путём долгих и непростых размышлений, Некрасов пришёл к выводу, что если существуют такие, принятые наукой, явления, как гипноз, передача мыслей на расстояние, боль в сердце матери при беде с сыном за тысячи километров от неё, и вообще само чудо человеческого сознания, то почему же не может быть, чтобы, после смерти человека, часть этого сознания не могла сохраняться в, неведомой пока науке, субстанции, называемой душой.

Тем более, что многие примеры показывают, как мысль и чувства могут существовать вне телесной оболочки человека. В конце концов, Некрасов определил для себя, что ад и рай – это не место, а состояние души, живущей вечно с накопившимися за земную жизнь чувствами.

«Найди себе оправдание и воруй хоть коврик из мечети» – после смерти это правило не работает, потому что земным интересам и страстям в субстанции, называемой душой, после смерти, места нет.

С годами, особенно на пенсии, он стал чувствовать то, о чём раньше только читал и слышал.

В его душе совесть начала превалировать в оценках поступков над разумом, заставляя переживать и мучиться из-а совершённых в жизни проступков, через которые он с лёгкостью перешагивал, когда был моложе. Чего там лукавить, приходилось часто наступать «на горло собственной песне», а где-то и крепко хитрить с совестью и принципами.

Слава Богу, он жил не в те времена, когда, по его вине, другие могли уйти из жизни, или из привычных житейских обстоятельств, но и на его век хватило того, от чего хотелось бы отмыться.

«Ну не создал меня Господь стальным человеком, и приходилось ломаться под давлением суровых условий. Но сам я никогда инициатором никаких подлостей не был. Как ни крути, а не был!»

Но где-то глубоко-глубоко в душе тот человек, которым он себя считал и которого подавал окружающим, безжалостно повторял: «Был! Был! Был!»

Всё сильнее и сильнее Некрасов боялся, что после смерти, его душа будет вечно мучиться, страдать и терзаться. Вечно!

На всё, что вызывало сомнения и тревогу, Леонид Михайлович пытался искать и находил логические объяснения и оправдания, которые обосновывали и оправдывали тот или иной проступок. Он шаг за шагом, день за днём, пересматривал свою жизнь и, находя в ней то, что он определял как, игру с собственной совестью, способную вызвать в будущем страх, стыд или мучения, убедительно себя оправдывал и, когда сомнений не оставалось, успокаивался, вычёркивая это событие из душевной памяти.

Такая система оценок срабатывала и понемногу успокаивала.

Но двум своим подлостям, как он их определил, совершенными ещё в юности, он оправдания найти не мог, и этот факт всё чаще и сильнее его расстраивал, обрстая комом из стыда, страха, сомнений и угрызений совести.

Он уверял себя, что проступки эти не очень серьёзные, что они были совершены почти полвека тому назад, и, что, возможно, никто о них теперь и не помнит. Но чем больше он себя утешал, тем сильнее мучился по этому поводу. А уж о том, что после его смерти эти ощущения гипертрофируются и станут невыносимо болезненными, он не сомневался.

...Было ему тогда лет пятнадцать. Класс, то ли из уважения, то ли из юношеского озорства избрал Леонида Михайловича старостой. Никто его, понятно, не слушался, и чем чаще его отчитывал классный руководитель, тем больше одноклассники озорничали. Особенно самый его закадычный друг Валя Кравченко. Именно он организовывал ребят курить на переменах в классе, а не прятаться по туалетам.

Леонида Михайловича это так обижало, что на очередное требование учителя, он, от злости и обиды, отдал ей список из семи человек, где в числе прочих был и его друг. Никаких последствий ни в школе, ни в их дружбе не случилось. Никто и никогда и не вспоминал об этом, но самого Некрасова это мучило всегда, именно потому, что поступку этому не находилось оправдания. С Валею они дружили до настоящего времени, и если не часто встречались, то перезванивались регулярно.

Другой поступок, не имеющий оправдания, был ещё гаже.

В школе-интернате, куда он с дворовыми ребятами ходил танцевать и «клеить» девчонок, Леонид Михайлович познакомился с десятиклассницей по имени Света.

На танцы она не ходила, и присел он к ней в парке на скамейку, где она рисовала липовую аллею. Они не переставая говорили до самого вечера и так понравились друг другу, что условились обязательно встретиться завтра. Он, провожая Свету к спальному корпусу, обратил вслух внимание на то, что у неё странная походка.

Девушка заплакала и рассказала, что на баскетболе повредила ногу и теперь нога болит и сохнет.

Промучившись в раздумьях весь следующий день, Некрасов не пошёл на свидание. Не пошёл он и позже. И вообще забыл дорогу в школу-интернат.

Всю жизнь он считал, что поступил правильно, отказавшись связать себя с калекой, но каждый раз, а это случалось часто, когда он вспоминал замечательную девушку с украинской фамилией Гонишнюк, эта фамилия рифмовалась у него со словом «говнюк», кем он себя и чувствовал.

Это продолжалось всю жизнь, хотя он давно забыл, как выглядела девушка и какой у неё голос.

Леонид Михайлович определённо знал, что оба эти поступка не дадут ему покоя ни на этом свете, ни на том. И он решил исправить положение и сделать всё, что можно ещё успеть.

Валентин, выслушав Леонида Михайловича, долго молчал, потом ушёл на кухню, вернулся с кофейником, снова сел:

– И ты со своим сердцем припёрся из Питера в Киев, чтобы рассказать мне, что я в школе курил?

– Валя, ты прости меня, Христа ради – голос у Некрасова был тихий и хрипловатый.

– Господи! Лёня, да я и не знаю, чего прощать. Ты мой самый близкий в жизни человек, я всегда ровнялся на тебя, ты мне роднее брата. Брось ты эти глупости!

Но Леонид Михайлович не отставал.

– Всё, всё! Успокойся, прощаю тебе всё и навсегда.

– Спасибо тебе, Валя. Ты меня успокоил.

Они много говорили и понемножку выпивали. Когда Валентин услышал о девушке из школы-интерната, которую разыскивает Некрасов, он вспомнил о своей хорошей знакомой, курирующей в мэрии образование.

– Она поищет, а ты пока поживи у нас. Сколько не виделись?

Поезд в Виннице остановился утром, и Некрасов отправился на такси по найденному знакомой Валентина адресу.

Двери открыла девочка лет двенадцати и, на его просьбу позвать Светлану Сергеевну Арсентьеву, крикнула:

– Бабушка! К тебе – и, не закрывая двери, ушла.

В пожилой женщине, которая вышла к нему из кухни, Некрасов никого не узнал.

Он начал задавать ей вопросы о её школьных годах, и она, недоумевающая, отвечала.

Тогда он прошел с ней на кухню и рассказал историю, которая произошла с ними много десятилетий тому назад.

Светлана Сергеевна рассмеялась:

– Вы знаете, а я не забыла эту встречу, просто очень редко вспоминаю то тяжёлое время.

Кстати меня возили в Москву и там вылечили, и у меня сложилась хорошая жизнь. Вас я не осуждала. Мне было просто обидно за себя. Так что вы напрасно переживаете. Хотя я очень удивлена, что вы придали этому так много значения. Наверное, вы очень хороший человек.

Она сошла с ним вместе по лестнице, и когда он наклонился к её руке, поцеловала его голову.

И в такси, и в ресторане, и потом в самолёте, Леонид Михайлович чувствовал большой душевный подъём. Он был спокоен и счастлив.

Он попросил у стюардессы коньячку и ещё немного выпил после ресторана.

– Оказывается, выпивать интересно и приятно – до сих пор он не очень этим увлекался.

Удобно устроившись в кресле, Некрасов решил вздремнуть.

Сон был лёгкий и приятный. Снилось ему, что он летает над всеми в каком-то голубом пространстве, а мимо пролетают другие счастливые и красивые люди, и всем спокойно и весело. Никогда ему не снились такие красивые сны.

Летал он долго, потом увидел свой самолёт, который уже стоял в аэропорту.

Он медленно летел по салону самолёта к своему месту. Потом увидел людей в белых халатах, склонившихся над грузным пожилым мужчиной, который лежал в проходе и был похож на него самого. До слуха долетали разные медицинские термины.

– Это я, что ли умер? – равнодушно подумал Некрасов. Он спрашивал врачей и стюардесс, но они не обращали на него внимания, и проходили мимо, и сквозь него, не отвечая.

Однако его это совершенно не огорчило, потому что он снова летел над землёй, уже в светло зелёном пространстве, обдуваемый лёгким ветерком с запахами цветов и утреннего тумана, какие не вспоминались ему с самого раннего детства.

Достоинство

Говорят же, что, когда покупаешь дом, покупаешь и соседей.

С соседями Светочкиным родителям не повезло. А значит, не повезло и Светочке.

Дом у них был угловой. Но в соседнем строении, непонятно откуда взявшейся землянке, жили тётя Клава, безграмотная полоумная баба, и ее с сын Вовка. Последний раз подобное жилище Светочкин отец видел на фронте.

Зарабатывала Клава на жизнь тем, что мела по утрам соседние улицы, а Вовка, вместо школы отправлялся ей помогать.

Вовка, маленький, щедущий, вечно голодный, мальчик, учился со Светочкой в одном классе, но ходил на занятия крайне редко и никакие угрозы и увещевания учителей не помогали.

В своей землянке баба Клава по всем укромным местам прятала сухари, на случай голода. В начале тридцатых из всей их большой и зажиточной прежде семьи, выжила только она.

Ни мать, ни отец с бабой Клавой не общались, считая это ниже своего достоинства.

Запрещали общаться и Светочке, да она и сама всё прекрасно понимала.

В 1977 году Светочка поступила в институт, а Вовку по очень большому благу пристроили работать проводником в общем вагоне поезда Баку-Москва.

Родители возили Светочку только в купейном вагоне, но когда, по дороге в вагон-ресторан, случалось проходить через общие вагоны, она старалась не смотреть на немыслимую грязь, которая, казалось, висела в воздухе. Но Вовка был рад и счастлив. Работал почти без отдыха, подменяя, всех и каждого и был на хорошем счету, потому что в его туалетах всё блестело.

Баба Клава об этом рассказывала всем знакомым и незнакомым.

Светочка после института, пошла работать технологом к отцу на завод, который выпускал измерительную аппаратуру для военной техники.

Потом она удачно вышла замуж за сына главного инженера Олега, и всё шло прекрасно.

Вовку она видела не часто, но знала, что он тайно в неё влюблён, но молчит, потому что глупо ему было бы об этом заговаривать.

Да и Светочка посчитала бы такое признание ниже своего достоинства.

Про Вовку рассказывали, что он из каждого рейса привозит кассеты для магнитофона и коробки шоколадных конфет и имеет с каждой вещи по три рубля навару.

Но и родители и Светочка считали ниже своего достоинства обращаться к нему за подобными услугами.

А потом в начале восьмидесятых рядом с землянкой Вовка затеял строительство дома. И днём и ночью что-то там строил.

Дом оказался немаленьким с бассейном во дворе. Бассейн был отделан мраморными плитками, которые Вовка натаскал из Московского метро по 1–2 штуки.

Когда они с матерью перебрались в дом, Вовка пригнал новую машину Жигули 6-й модели.

Ни машины, ни такого дома, а тем более бассейна у Светочкиной семьи не было, но завидовать какому-то подзаборному жулику было ниже их достоинства.

А потом пришёл Горбачёв со своей болтовнёй, и всё покатило вниз.

Завод почти не получал заказов и жить становилось всё труднее.

И только Вовка хвалил Горбачёва и говорил всем и каждому:

– Пока вы думаете, что Горбачёв болтает, уже мир перевернулся, а многие люди заработали миллионы.

Он организовал с директором их завода кооператив на арендованных площадях и стал выпускать дефицитный провод, бытовые тройники и переключатели.

Работало в кооперативе человек тридцать заводских, да человек сто городских инвалидов, что освобождало Вовку от налогов.

И тут он тоже всех перехитрил. И, хотя инвалиды неплохо зарабатывали, сам он грёб деньги лопатой.

Родители Светки ждали, что его вот-вот посадят.

А потом наступило ГКЧП.

Светочкины родители верили, что всё вернётся и будет, как прежде.

А Вовка с дружками и городским прокурором разбрасывали листовки с речью Ельцина на танке. Вовку арестовала милиция, но к вечеру отпустила к огорчению Светочкиной семьи.

После провала ГКЧП Вовку и прокурора города наградили медалями «Защитнику свободной России».

Вовку избрали депутатом, а прокурора забрали в Москву.

Реформы Гайдара совсем развалили страну, и Светочкина семья просто бедствовала.

Знакомые подруги, стали ездить в Турцию и Польшу за вещами, но Светочкина семья считала такой заработок ниже своего достоинства.

Однажды Вовка пригласил Светочкиного мужа Олега к себе на работу:

– Мы хотим с другом построить два больших двухэтажных дома, но у нас нет времени этим заниматься. Возьмись за это дело и строй три дома. Третий твой. Мы даём только деньги под твой отчёт. Все расходы записывай. Трать куда и сколько надо, плати, кому найдёшь нужным, но нас не отвлекай. Построишь за пару лет, считай тысяч триста-четырееста долларов заработал. Зарплаты не будет, но на себя трать, сколько потребуется. Думай до завтра.

– Мне надо посоветоваться с женой.

– Олег! Я ещё не встречал человека, который советуется с женой и зарабатывает при этом деньги.

Однако дома на семейном совете Олегу запретили работать на этого дворника.

– Во-первых он тебя обманет, а во-вторых, ты с ним ещё в тюрьму сядешь – сказал отец.

Когда Олег узнал потом, что его товарищ по заводу Коля Фролов построил эти дома и живёт с семьёй в одном из них, а также работает у Вовки начальником мебельного цеха, то он от обиды запил.

А потом развёлся со Светочкой и, женившись снова, уехал в Германию.

Работать Светочку на новые предприятия брать отказывались, потому что требовалось то знание английского, то работа с компьютером, а то ей просто делали грязные намёки, выслушивать которые было ниже её достоинства.

– Если бы я поступилась своей гордостью, я бы могла выйти замуж за Вовку.

Я же вижу, как он на меня всю жизнь смотрит, но это ниже моего достоинства – говорила она часто подругам.

Не выдержав тяжести жизни и унижений, от инфаркта умер отец.

Начала болеть мать. Денег почти не было.

И Светочка решилась.

Она принесёт себя в жертву ради матери и будет жить с этим ничтожеством, пусть даже это будет нестерпимо противно.

И она пошла к нему в кабинет, якобы в поисках работы, чтобы потом перевести разговор на нужную тему.

Владимир Михайлович, а теперь его только так называли, расспрашивал, что она умеет, и что и как понимает.

– Света. Перестройка началась пятнадцать лет тому назад. Ну почему ты не учила английский, бухгалтерию, коммуникабельность. Ты же дама из позапрошлого века. Если хочешь, я могу попросить товарища. Им нужна женщина в дом. Он будет платить тысячу долларов, но

ты должна знать там своё место, а не учить их жить и смотреть, кто и что там неправильно делает. Одну такую они недавно выгнали. Так что, если хочешь, я поговорю.

И тогда она решилась

– Вова, а может быть, пойдём с тобой в ресторан? – она положила свою ладонь на его руку и пристально посмотрела в глаза.

– Света! Ты чего вообще не врубаешься. Ты что совсем не понимаешь, где ты живёшь. Во-первых, я недавно женился на дочери своего компаньона, которая с нами работает. А во-вторых, я давно уже не трахаю сорокалетних. Извини, пожалуйста, но я вижу, что до тебя иначе не доходит. Вот тебе телефон, позвони от моего имени, но повторяю, спустись на землю и начни трудиться, как все. Нет стыдных работ. Стыдно быть бедным из-за лени и самомнения. Всё! Давай! Будь здорова. Извини, дела.

Светочка медленно шла домой.

– Да как он посмел с ней так разговаривать! Нищета беспризорная! Забыл, как заглядывал через забор, чтобы увидеть, что у нас на столе. Говнюк, сволочь беспородная! Хам! Бура-тино до конца не прочитал. Да, чтобы я пошла в служанки к этим безродным выскочкам. Никогда! Лучше умереть.

Она пришла домой и повесилась в покосившемся сарае на старой бельевой верёвке.

Милосердие Божье

Анна Сергеевна не представляла, что мужчина может так плакать.

Он не мог успокоиться даже после того, как Анна Сергеевна дала ему выпить воды прямо из бутылки.

И только, когда он умылся, его всхлипывания стали понемногу затихать.

– Простите меня, Бога ради. Я совсем расклеился. Не каждый день тебя бросает любимая женщина, Павлик, – и он робко протянул руку Анне Сергеевне.

Выяснилось, что Павлика бросила жена. Ушла к успешному бизнесмену. Ушла от неустроенности, безденежья и безнадежно больной матери Павлика.

«Я бы тоже от такого ушла» – подумала Анна Сергеевна.

Но вслух сказала:

– Мужчина не должен быть таким убогим. Как только не стыдно. Ну что вы, право, так расклеились. От меня тоже ушёл муж. Я же не плачу на всю улицу.

– Ой! Простите меня. Действительно стыдно. Ну, я пойду?

– Вы у меня спрашиваете разрешение? Идите, я вас не держу.

– Мне нужно. У меня мама дома совсем больная. Она волнуется, когда меня долго нет.

Весь вечер Павлик не выходил из головы Анны Сергеевны.

– Ну как можно быть таким рохлей. Чучело какое-то. А одет, как пенсионер-интеллигент. И где он такой берет выкопал? А ведь вполне симпатичный мужчина. Правильно говорят, что мужчина – это характер.

Через несколько дней, она снова встретила по дороге из школы Павлика.

Он прогуливал небольшую собачонку.

– Вот и собака какая-то недоделанная, хозяину под стать. Павлик произнёс целую речь с извинениями за свою слабость.

– Вы не подумайте, что я вообще слабак, я в молодости боксом занимался. Это так сразу всё навалилось.

– Да ничего я и не подумала. У всех бывают периоды.

Так они дошли до её дома, и Павлик поцеловал её на прощание руку.

– Ты посмотри на него. Он ещё на что-то способен – подумала Анна Сергеевна.

Так появился в её жизни Павлик.

После многих мужчин, замужества и тяжёлого развода, Анна Сергеевна долго не хотела себя обременять мужской компанией. Не было сил. Но Павлик – другое дело. Он не напрягал, ничего не хотел, ни к чему не обязывал.

Ему просто не с кем было так откровенно поговорить.

Анна Сергеевна, как и всякий хороший педагог со стажем, слушать умела.

А Павлика ещё и интересно было слушать, настолько он был начитан и разносторонен. Будь он мужиком, цены бы ему не было.

Но мужиком он оказался тоже неплохим, что выяснилось, когда Анна Сергеевна пригласила его домой.

Она выпила чуть больше обычного, и оказалась с Павликом в постели.

Наутро он просил у неё прощение, но Анна Сергеевна поцеловала его в лоб и сказала, что всё было прекрасно.

Она была удивлена.

С тех пор они стали любовниками.

Но о том, чтобы жить вместе Павлик и слушать не хотел.

– Я маму никогда не оставляю. Она для меня всё. Это вообще не в моих правилах предавать людей. Если люди близкие, они должны отдавать друг другу себя без остатка. Иначе, зачем

жить? Вот моя жена думала иначе, и первые трудности сделали из неё предательницу. Больше в моей жизни такой ошибки не будет. Если я когда-нибудь женюсь, то только на настоящем человеке. Чтобы и в радости и в беде вместе.

Не такой он уж и рохля. Правильно говорят, что эта гнилая интеллигенция переворачивает жизнь и устраивает революции. Потому что имеет принципы, за которые готова умереть.

Павлик всё больше удивлял и привлекал Анну Сергеевну.

«Видимо, обо мне, как о человеке, он не очень высокого мнения. Раз не верит в меня».

С мужчинами ей никогда не везло. В молодости её, чемпионку республики по стендовой стрельбе, мужчины особо не занимали. Было не до того.

А когда карьера закончилась, то время уже немного не соответствовало её представлениям о любви, дружбе и семейной жизни.

Мир стал другим.

Как ещё сохранились такие динозавры, как Павлик, в этом мире денег и показного успеха... Но ей, похоже, повезло, и она встретила этого вымирающего экспоната.

Не всё, конечно, ей в Павлике нравилось, но крепкая закваска в нём явно чувствовалась. Да и мужчина он был сильный и нежный. Нет, такого она не упустит.

А Павлик большую часть их разговора посвящал маме.

Они оба готовились к операции по пересадке Павликовой почки его матери.

Остановка была за деньгами. Хирургам нужно было отдать двадцать тысяч долларов, а у Павлика набралось только десять. Они решили разменять свою трёхкомнатную квартиру на меньшую, и найти недостающие деньги.

И тогда Анна Сергеевна предложила свою помощь.

После развода и разменов у неё остались деньги, но Павлик категорически отказался, пока она чужой ему человек. Вот, если распишемся, тогда соглашусь.

Но расписаться не получалась, потому что Павлика жена была за рубежом и возвращаться, похоже, не торопилась. А матери становилось всё хуже.

Когда они с Павликом зашли к ним домой, мать то ли спала, то ли была без сознания. Медицинская сестра суежилась возле её кровати.

Зрелище было не для слабонервных. Шприцы, пузырьки, капельница, специфические запахи.

– А ведь ему так приходится жить сутками.

Неудивительно, что жена сбежала.

Но сама она не такая дешёвка. Она не позволит, чтобы Павлик думал о ней так же. У неё всегда были и будут принципы. А дальше всё произошло быстро, как в немом ускоренном кино.

Павлик прибежал растерянный и удручённый. Врачи оставили матери месяц жизни, а проведённые анализы показали, что его почки недостаточно здоровы для пересадки.

И тогда Анна Сергеевна решила:

– Павлик! У меня ведь тоже третья группа крови и положительный резус, как и у вас с мамой. Давай я дам ей почку. У меня обе в порядке.

Но Павлик назвал её предложение бредом и даже, уходя, хлопнул дверью, чего прежде никогда не было.

– Какой всё-таки он порядочный человек. Даже ради любимой матери не хочет изменять своим принципам.

Павлик перестал приходить.

Она застала его дома пьяным и в слезах. Такое было впервые.

– Мама умирает в больнице. Осталась неделя.

Анна Сергеевна умоляла его принять её предложение. Никогда и никого она так не просила. Она буквально валялась у Павлика в ногах.

И он согласился.

Они обнимались и плакали от радости и восторга от их родства и близости. Теперь они будут связаны кровью, и их ничто не разлучит.

Потом была больница.

Анна Сергеевна подписывала какие-то бумаги. Потом её уложили на каталку и надели маску.

Операция прошла успешно. Но у мамы Павлика не всё было благополучно, и она лежала в реанимационном отделении. Анну Сергеевну выписали из больницы, и Павлик отвёз её домой, а сам снова убежал в больницу к матери.

А потом он пропал.

Анна Сергеевна прождав три дня, отправилась к нему домой, но дверь открыла незнакомая молодая женщина и сказала, что они с мужем снимают уже дней десять эту квартиру.

В душе у Анны Сергеевны поселился ужас.

Неужели её обманули?

Так просто и бесцеремонно.

Она поехала в больницу, где ей делали операцию.

Женщина-юрист показала ей бумаги, где было написано, что она добровольно соглашается на пересадку своей правой почки гражданке Толмачёвой. Все подписи и печати на месте.

Тогда она пошла в милицию.

Молодой лейтенант, выслушав её рассказ и сделав несколько пометок в блокноте, сказал, что такое нередко случается. Что мошенники пользуются доверчивостью граждан, чтобы продавать их органы с соблюдением всех юридических правил и с согласия потерпевших.

– К сожалению, законодательство несовершенно, и даже, если их и задерживают, то до суда дела не доходят. Тем более, что они располагают огромными деньгами и лучшими адвокатами. Ведь только за вашу почку они получили тысяч двести долларов. А сколько таких, как вы. К тому же возможно Ваш аферист совсем из другого города. Уверен, что у него даже имя другое.

Анна Сергеевна была раздавлена.

Жить не хотелось. Хотелось только увидеть Павлика и посмотреть ему в глаза. Ничего не говорить. Только посмотреть.

Увидела она его через полгода.

Она случайно попала на встречу с кандидатом в губернаторы и среди гостей, вдруг, увидела Павлика.

Только не того несчастного интеллигента из прошлого, а вполне современного и респектабельного.

Павлик был с женой и десятилетней дочерью.

В жене Анна Сергеевна узнала «медсестру».

После окончания встречи, Анна Сергеевна встала на пути Павлика и перегородила ему дорогу.

– Ой! Анечка, как я рад, что у тебя всё нормально.

И уже тише:

– Анечка, давай без сцен. Мы же интеллигентные люди. Пойдём за столик.

Они вдвоём сели за столик и Анна Сергеевна посмотрела ему в глаза:

– И как ты можешь с этим жить? Не боишься, что Бог тебя не простит?

– Ой, Анечка! Посмотри вокруг. Он такое прощает, что тебе и не снилось. Так что ты успокойся и живи дальше. В этом мире или ты, или тебя. Ничего личного. Будь здорова.

И он наклонился, чтобы поцеловать её в лоб.

– Хорошее всё-таки у нас с тобой было время.

Она сидела, боясь пошевелиться.

«Господи! Неужели такое может быть на земле? И ты такое допускаешь! Павлик, или как его там, сказал, что твоей милости нет предела. Напрасно он это сказал. Напрасно!»

Анна Сергеевна вдруг очнулась.

А чего это она распустилась. Она сильная женщина. Хорошая спортсменка.

Чего это она уцепилась за свою бездарную и серую жизнь? Это цепляние за жизнь вяжет её по рукам и ногам. Она никому ничего не должна. Ни людям, ни Богу. Она свободна и перед людьми и перед Богом. Да! И перед Богом, который всё прощает. Если у Павлика всё так прекрасно. Что ей эта жизнь? Какая разница умереть сегодня или через двадцать лет? Плевать! Она свободна от жизни и от смерти. Напрасно он, всё-таки, сказал, что Господь всё прощает. Она ему это докажет.

Теперь она никуда не торопилась.

Не торопясь продала свою квартиру. Не торопясь у старых знакомых приобрела пистолет. И не спеша стала разыскивать Павлика. Пришлось даже нанять частного детектива.

За всеми заботами пошёл год.

Весь этот год Анна Сергеевна была счастлива. Она была свободна и у неё была цель в жизни. Настоящая цель. Впервые.

Павлик с женой и дочерью вышли из машины и направились к воротам своего дома.

Анну Сергеевну он сначала не узнал, а потом, рассмеявшись, сказал:

– Анечка! Ну, мы же, кажется, попрощались.

И тут он увидел в её руке пистолет:

– Аня! Не дури. Всё равно ничего не изменишь. Тебя посадят до конца жизни.

– Успокойся Анатолий Петрович, так, кажется? Я тебя убивать не собираюсь. Я тебя заставлю мучиться до конца жизни. А с Господом я договорюсь. Он же всё прощает? Так кажется?

И она выстрелила в голову его дочери.

Затем она прострелила Павлику и его жене в коленные чашечки.

И уже не глядя на упавших и вопящих супругов, пошла вдоль улицы.

В конце улицы она вставила себе в рот ствол и нажала на курок.

Джульетта и Ромео

Посвящаю Александру Барталёву

Саша Хрулёв был дворянином.

Вернее дворянкой была только его мать Елена Фёдоровна Соковнина. А отец был рабочим, который дослужился до полковника и возглавил Николаевское лётное училище имени Леваневского.

Жили они на втором этаже в двухэтажном старинном особняке рядом с мебельной фабрикой, которой до революции владела их семья. Остальную часть огромного дома занимали многочисленные родственники.

Елена Фёдоровна была директором музыкального училища и выглядела, как актриса Ермолова на портрете Серова, только моложе. О Сашинем дворянстве никто не говорил. Это подразумевалось само собой.

Он никогда и никуда не спешил, не суетился. Говорил тихо и правильно. Шутил с друзьями всегда по-доброму, не выказывая своего превосходства. Но превосходство это лезло из всех щелей.

Когда его сверстники упивались романами Дюма и Вальтера Скотта, Саша уже прочитал всего Мопассана и Золя, знал почти наизусть всего Швейка и Остапа Бендера, и вообще знал многое из того, что его друзьям не приходило в голову.

Их квартира была наполнена массой интересных вещей от трофейного парадного оружия до огромной библиотеки, которая собиралась много десятилетий разными поколениями дворян Соковниных.

И одевался Саша по-особому. В те времена, когда магазины были завалены невысказанно убогой серостью, на нём было всё иностранное, что для окружающих было просто непостижимо.

Когда Сашина семья вернулась из Балтийска в Николаев, и Саша появился в 9-м классе, все девочки только о нём и шептались. Не участвовала в этих разговорах лишь первая красавица школы Роза Шульруфер. Она не позволяла себе эти девичьи пересуды.

Она не влюбилась в Сашу, как все остальные девчонки. Она просто полюбила его, однажды и навсегда.

Но Саша был со всеми одинаково прост и дружелюбен. Он сразу подружился со всеми ребятами из класса.

Запросто водил и ребят и девчонок к себе домой, где его мама устраивала грандиозные обеды на невиданной дотоле посуде.

И папа ничем не напоминал заслуженного человека с десятком орденов и медалей. И старший брат Юрий, будущий лётчик, был простой и весёлый парень. Ничего не напоминало в этом доме о том, что Сашины родители большие и важные начальники.

Всегда там было уютно и весело.

Об этих визитах постоянно шли разговоры в школе, и только Роза не участвовала в этих разговорах. Она не могла быть, как все. Она решила завоевать Сашу и шла к этой цели продуманно и твёрдо.

Однажды на уроке физкультуры она подала Саше, выкатившийся за площадку, волейбольный мяч, и задержала его в руках чуть дольше необходимого. Руки их соприкоснулись. Саша посмотрел ей в глаза. И произошло то, что иногда происходит между людьми в 16 лет, когда все чувства живут ожиданием любви.

Что бы теперь ни делал Саша, о чём бы ни рассказывал, он всё время чувствовал её взгляд.

Они почти не общались, но между ними шёл постоянный диалог, где обоим всё было понятно.

Как-то, само собой случилось, что весь класс понял, что эти двое любят друг друга, и относились к этому, как к естественному и закономерному факту.

Однажды, уже в 10-м классе, так получилось, что Саша с Розой остались вдвоём убирать кабинет физики. Выйдя из школы, Роза взяла Сашу за руку и повела к себе домой.

Она завела Сашу в спальню и стала раздеваться.

– Ничего не говори – остановила она Сашу.

Ты будешь моим первым и последним мужчиной в жизни.

После этого их всё время видели вместе.

Всех это радовало, потому что к обоим отношение было всегда хорошее.

Да и очень уж они подходили друг другу.

В отчаянии была только Сашина мама. Нет. Она никогда не была антисемиткой. И никогда не кичилась своим положением. И к Розе она относилась хорошо.

Но представить себе, как на рынке Розин отец Лёва-мясник, которого знал весь город, будет махать ей окровавленными руками и кричать:

– Сваха! А ну дуй сюда, я тебе тут уже отложил пару кусков – она не могла.

Это повергало её в ужас.

Да и Розина мама, Ида Соломоновна, говорливая заведующая обувным отделом универмага, тоже особого восторга не вызывала. Она не могла породниться с такими людьми, но что делать она не представляла.

Саша же просто не видел других девушек.

Но самое страшное для Елены Фёдоровны было то, что он не был влюблён в Розу.

Он её любил. Просто любил. Она уже была частью его жизни. А при его постоянном и несуетливом характере – это могло продолжаться всю жизнь, и это угнетало Елену Фёдоровну.

Влиять на Сашу она не могла. Во-первых, это было бесполезно, а во-вторых, в их семье это не было принято. Оставалось только уповать на чудо.

И как это может случиться только в жизни, такое чудо произошло.

Саша впервые привёл Розу на обед. Так сказать, на смотрины. И хотя Роза ещё не совсем оправилась после простуды, смотрелась она восхитительно.

А когда она села за рояль и спела что-то из репертуара Майи Кристалинской, все были просто в восторге. А её чуть простуженный голос и заложенный нос придавали какой-то особый шарм её пению.

За столом было тоже весело.

Саша с братом бесконечно шутили и все смеялись. Все, кроме Розы. Она только одобрительно улыбалась. И только после рассказанного Сашиним дядей анекдота, она не сдержалась и прыснула, а потом вдруг закашляла и, как бы, задохнулась.

И тут, к её ужасу, из её носа вылетела большая и зелёная клякса и шлёпнулась на бело-снежную скатерть.

Может быть, надо было накрыть эту огромную зелёную кляксу салфеткой или тарелкой, но Сашина мама всех отстранила от каких-либо действий, а позвала домработницу Зою, которая произвела необходимую уборку, сопровождая её попутными комментариями.

Все сидели онемевшие.

Роза, закрыв лицо салфеткой, вышла из комнаты. Все посчитали, что она ушла в ванную, но она ушла совсем.

Навсегда.

Она уехала к родственникам в Одессу и вычеркнула из памяти всю свою прошлую жизнь.

Только так она могла продолжать жить дальше и не покончить с собой.

Саша в течение полугода добивался от родителей нового адреса Розы, но она запретила его давать.

И хотя Сашина мама была довольна тем, что всё так просто разрешилось, последующие события её не радовали.

Сначала Саша не прошёл медицинскую комиссию в лётное училище, потом учителя стали жаловаться на его равнодушие к учёбе, а потом Елена Фёдоровна заметила, что Саша стал выпивать. Молча и регулярно.

Она пристроила Сашу в кораблестроительный институт. Учился он, лишь бы не отчислили, имел непонятных и сомнительных друзей, но главное, он не обращал внимания на девушек.

Необходимо было его женить. Саша не возражал. К жене он относился хорошо, но как к чужому человеку, и она через три года ушла от него.

Тогда мама подыскала ему новую жену. Женщину с ребёнком и характером, чтобы она не давала Саше особо выпивать и держала его в руках.

Работал он на заводе инженером и ничего особенного в их жизни не происходило.

А Роза закончила финансовый факультет и работала на оптовой базе главным бухгалтером. Дважды она выходила замуж.

Оба мужа были хорошие. Она даже родила дочку. Но личная жизнь, как-то, не складывалась.

Не помогали счастью даже любовники, которыми она себя иногда утешала.

Она любила Сашу. Всегда. Всё время. Каждую секунду. Роза всё знала о его жизни и продолжала через общих знакомых следить за ним. Она понимала, что им необходимо быть вместе, но сама мысль о том, что он будет смотреть или обнимать её, и думать в этот миг о сопле, которая распласталась зелёным пятном на скатерти, отнимала у Розы все желания что-то предпринимать в этом направлении.

Так прошло много лет.

Роза знала, что после перестройки Сашин завод не работает и его семья почти голодала. Знала и о том, что жена всё время упрекает Сашу за безденежье и водку. И это огорчало Розу до слёз. Однажды подруга из Николаева рассказала Розе, что Саша перенёс инсульт, ходит с палочкой и тянет левую ногу.

И Роза решилась.

Её второй муж давно уехал в Германию, поэтому Роза решила забрать Сашу к себе и уехать с ним к родственникам в Израиль, где, говорят, медицина делает чудеса.

Увидев её, Саша, вдруг, превратился в того прежнего юношу, которого она знала сорок лет назад. Не мешал ему ни возраст, ни лысина, ни морщины.

Это был её Саша совсем такой же, как и много лет тому назад.

Сашина жена, на удивление, была не против того, чтобы он уехал на лечение, потому что сама собиралась переехать к дочери в Харьков.

После развода, нового брака и разных формальностей, Саша с Розой переехали в Израиль в город Бат-Ям, где жили её многочисленные родственники.

Оба были счастливы. Они всё время были вместе. Много путешествовали и купались почти ежедневно в море. Вернулась их юность и молодость.

Врачи серьёзно занимались Сашиними болезнями и он практически выздоровел.

Всё было прекрасно. Так прошло года четыре. И вдруг у Саши обнаружили рак лимфосистемы. Он исправно лечился, но перенесённые раньше болезни осложняли лечение.

И через два года новый инсульт убил Сашу.

Роза посидела за одну ночь.

Ко всем её бедам добавилось то, что не евреев нужно хоронить на особых кладбищах, а ближайшее такое кладбище было за 200 километров от её дома.

И хотя все заботы и расходы брало на себя государство, Роза не могла себе представить, что её Саша будет от неё так далеко.

Выяснилось, что некоторые кибуцы продают землю под частные кладбища за пять тысяч долларов одно место.

Конечно, Саша будет лежать рядом. Чего бы это ни стоило.

На Сашиной могиле Роза установила памятник с железным самолётиком наверху и большой Сашиной школьной фотографией.

О месте, для себя, рядом с Сашей она тоже договорилась и собирала деньги.

Многие жители кибуца Ревадим почти каждую субботу видели седую полубезумную пожилую женщину, которая часами разговаривает с фотографией молодого человека, на необычном для Израиля памятнике.

Потом рядом появился ещё один памятник с фотографией молодой девушки, чем-то очень напоминающей эту странную пожилую даму, которая теперь стала разговаривать с обоими.

А ещё, она посадила вокруг могилы живые цветы, что вообще не принято в Израиле, но никто ей не мешал, и цветы всегда были свежими.

Евангелие от Аннушки

Моему другу Татьяне Никульниковой

Жила она одиноко в маленькой секции финского домика, почти ни с кем не общаясь. Ходили слухи, что она ходит к баптистам. Это было таинственно и страшно.

Но мы, молодые оболтусы, вооружившись мудростью нашего кумира Остапа Бендера, проходя мимо дома Аннушки, орала во всё горло:

– Почём опиум для народа?

Никак на это женщина не реагировала.

Звали её Аннушка, родом она была откуда-то из Прибалтики, но откуда прибыла к нам – никто не знал. Работать она устроилась в цех, где работал мой отец, фрезеровщицей.

Однажды я пошёл гулять, надев новые туфли. Они были красивые, но на ноге сидели очень плотно. Мама убедил меня, что кожа через пару часов растянется. Однако часа через три мои ноги были сдавлены, как в колодках, и кривясь от боли, я направился домой, несмотря на уговоры друзей.

Во двор я зашёл не со стороны ворот, а через узкий проход, который был вымощен неровным камнем, что сделало мои мучения ещё большими.

Напротив калитки Аннушки я поскользнулся на камне и, грохнувшись на спину, больно ударившись головой о камень. Наверное, я ненадолго потерял сознание, потому что, открыв глаза, увидел перед собой Аннушку. Она помогла мне подняться и отвела в свой дом.

Без привычной белой косынки Аннушка выглядела довольно привлекательной светловолосой женщиной лет сорока пяти.

Она перевязала мне голову куском простыни и пошла за моими родителями.

Но вскоре вернулась, потому что квартира была закрыта. Поэтому о происшедшем она сообщила соседям. Я уже немного оклемался и, пытаясь скрыть свою беспомощность и неловкость, довольно развязно начал что-то молоть про отсутствие Бога и стал высказывать своё удивление, что она не понимает такого очевидного факта.

– В чём же такая очевидность? – посмотрев на меня с интересом, спросила Аннушка.

– Ну, как же! – привёл я убийственный, на мой взгляд, довод – вот Гагарин летал и говорит, что никакого Бога он там не видел.

– Ну, Бог не управдом, чтобы его каждый мог увидеть. Сначала его нужно найти в своей душе. А во-вторых Гагарин видит и говорит только то, что позволяет партия. Простой глупенький мальчик.

– Умнее некоторых, раз в космос первым полетел – парировал я.

– Собака раньше него там побывала, так по вашей логике она умней Гагарина?

– Ну что Вы можете знать про Гагарина? – я всё сильнее распалялся – Где Гагарин и где вы со своим фрезерным станком и семилеткой.

– Вообще-то я по образованию врач-хирург.

– А чего же тогда работаете фрезеровщицей?

– Вам этого не понять, потому что, как и все ваши, вы думать не умеете. Живёте без царя в голове и без Бога в сердце.

– Удивляюсь, как Вас ещё не посадили? – я уже кипел от возмущения.

– Можешь отличиться – сказала она, перейдя на «ты» – глядишь, прославишься, как Павлик Морозов.

Она говорила совершенно спокойно, глядя мне прямо в глаза.

– А зачем же Вы мне тогда помогали?

– Это я себе помогала, а не тебе?

– Как это?

– Тебе не понять. А объяснять бесполезно. Когда найдёшь Бога в своей душе, тогда и поймёшь. А пока у тебя вместо сердца пламенный мотор, понять это невозможно. Можно только ненавидеть весь мир и своих соседей.

– Ну да! Советский народ самый отзывчивый и дружный. Это все знают.

– Это ваши пропагандисты сочинили про коллективизм и дружбу народов. А подумать, почему из колхозов бегут, а на своём огороде сутками работают, ума не хватает. Почему в коммуналках дерутся, если такие дружные. Почему в уборных гадят на пол? Дай только волю, все разбегутся, как тараканы. Придумали сами о себе сказочки и радуетесь. Советским людям вообще чужд коллективизм. Он живёт стадом. А прикажут – так стаей.

– Ну, да! Стадом до Берлина не дошли бы? – этот довод я считал стопроцентным.

– Погнал бы Сталин заградотрядами, мы бы и до Антарктиды дошли.

Потом помолчала и уже задумчиво добавила:

– Или до Колымы.

Не знаю, до чего бы она договорилась, если бы меня не увёл домой подошедший отец.

Разговаривал с Аннушкой он почтительно и вежливо.

Когда мы немного отошли, я сказал отцу:

– Она там такое молола, что её бы при Сталине расстреляли без суда. Она же враг народа!

Отец остановился и спокойно сказал:

– У неё два боевых ордена.

Потом помолчал, добавил:

– А у меня за три года ни одного.

От изумления я даже рот открыл.

Многие годы после я старался не думать о том, что услышал от Аннушки, потому что это мешало нормально жить и строить карьеру. Но понемногу сознание, вопреки моему желанию, заставляло всё больше смотреть на окружающий мир критически, без идеологических и атеистических штампов.

Через много лет, прочитав роман Булгакова «Мастер и Маргарита», я подумал, что происшедшее со мной тогда, возможно, было не случайным.

А, может быть, Аннушка, встреченная мной в самом начале жизни, и разлила то масло, на котором я столько раз поскальзывался... Только я этого в праздной суете не заметил.

Евангелие от Романа

Полковника Пустовойтова заедала тоска. Она проникла в каждую клетку его тела и не давала силы жить. Днём ещё как-то с помощью спиртного и загруженности на работе он держался.

Но ложась спать, он ощущал непреодолимое желание проглотить разом таблетки, припасенные в прикроватной тумбочке. Останавливали только мысли о семье и коллегах. Будут ли в случае самоубийства выплачивать пенсию семье? Удержится ли сын в военном училище? Что будет с женой, работающей в той же системе?

Он уже продумывал возможность устроить себе самому автомобильную аварию, но боялся выжить и остаться беспомощным инвалидом.

Больше всего Николай Николаевич боялся не выдержать и повеситься в минуту отчаяния. Это была бы для всех катастрофа. Но жить он больше не мог. Никаких сил у него на это не оставалось.

– Вот поеду в санаторий и там умру. Меньше будут докапываться к чужому покойнику.

Он купил путёвку в один из лучших санаториев страны, в прошлом принадлежащий ЦК КПСС.

Санаторий поразила его своей роскошью и мощной медицинской базой, и полковник, выполняя по военной привычке все предписания врача, каждое утро и вечер ходил вокруг горы к питьевым бюветам.

Он надеялся, что хотя бы перед смертью его отпустит тоска, потому что с ней он умирать боялся, не зная, что ждёт его после. Но тоска не отпускала. И тяга умереть тоже.

Он даже хотел попросить администратора переселить его с седьмого этажа на второй, во избежание соблазна броситься вниз, но какое-то сладостное чувство возможного избавления от муки остановило его.

Однажды, во время такой прогулки, он встретил бывшего сослуживца Витю Онищенко, который лет пять тому назад уволился и жил теперь неподалеку, в родном городе его жены Ольги.

Они раньше никогда особо не дружили, но Онищенко так обрадовался встрече, что Николай Николаевич не мог сопротивляться, когда тот буквально затолкал его к себе в машину.

Они подъехали к большому двухэтажному дому. Онищенко с гордостью распахнул ворота перед неожиданным гостем:

– Вот так вот и живём – сказал он гордо.

За столом Николай Николаевич налил себе больше половины стакана водки и выпил залпом.

– Слушай – удивился Онищенко – ты же вообще раньше не пил.

Николай Николаевич тяжело вздохнул и неожиданно для себя рассказал приятелю о своей беде.

– Куда я только не ходил, и к психологу, и к психиатру, и к бабкам, чтобы сняли порчу – ничего не помогает. Так что мне труба.

– Коля, я не знаю, как ты на это посмотришь, но давай я тебе устрою встречу с нашим батюшкой отцом Романом, умственный, я тебе скажу, мужик. Наши бабы с его появлением перестали аборт делать. Я сам уже почти год не пью, а ты ж помнишь... Я и со службы из-за водки ушёл. Мой Славка с женой сошёлся, ребёнка усыновили, не нарадуемся. Да и вообще у нас всех детей из детдома разобрали. Менты с бандитами дому престарелых помогают. Такой вот у нас батюшка. Он у нас как пожарная команда.

Полковник угрюмо молчал. По его виду было видно, что никаких надежд у него не осталось. В Бога он не верил, а в батюшек тем более. Но терять, как говорится, было уже нечего, и он безвольно махнул рукой.

Виктор вышел из комнаты, а когда вернулся заявил: – Сейчас батюшка к нам приедет, он мне, кстати, дом обещал освятить.

Николай Николаевич в церковь не ходил, и на все эти заморочки смотрел свысока.

Виктор побежал суетиться по хозяйству, а Пустовойтов с рюмкой коньяка уселся в кресле.

Минут через двадцать в комнату вошёл парень лет двадцатидвадцати пяти, похоже сын Онищенко, и, поздоровавшись за руку с гостем, сел к столу и начал есть не снимая плаща.

– Замотался – сказал парень, наблюдающему за ним Николаю Николаевичу – поесть некогда.

Появился Виктор:

– Батюшка извини, что я тебя побеспокоил, но у меня тут с другом беда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.